

Экстаз

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ТИНА АЛЬБЕРТ

Тина Альберт

Экстаз

<https://litres.ru/74330902>

SelfPub; 2026

Аннотация

Писательница любовных романов Блэр теряет музу и веру в любовь. Но когда холодный миллиардер Донатьен предлагает ей фиктивный брак, она соглашается — ведь это идеальный сюжет для новой книги.

Вот только Донатьен далек от книжных принцев. Ему нужна лишь немая ширма, чтобы спрятаться от серьезных проблем. Он просто не догадывался, что у ширмы окажутся острые зубы, язвительный юмор и талант переворачивать всё вверх дном.

Кто из них пожалеет о сделке первым?

Содержание

Посвящение	4
Предисловие	5
Глава 1	7
Глава 2	33
Глава 3	59
Глава 4	80
Глава 5	107
Глава 6	136
Глава 7	154
Конец ознакомительного фрагмента.	155

Тина Альберт

Экстаз

Посвящение

*Посвящается всем, кто мечтает встретить в жизни
такую же любовь,
как на страницах романов.*

Предисловие

Приветствую тебя, дорогой читатель!

Перед тем как ты перевернешь страницу и сделаешь первый шаг в мою новую книгу, мне хочется коротко рассказать, какой получилась эта история. Я люблю честность, поэтому сразу разложу все по полочкам, чтобы роман попал именно в руки своего читателя.

Эта книга может тебе понравиться, если ты любишь:

Троп «от ненависти до любви», когда между героями летают молнии, а путь друг к другу начинается со взаимного неприятия;

Троп «фиктивные отношения», когда героям приходится притворяться перед другими, играть на публику, хотя они едва выносят друг друга. И грань между притворством и реальностью стирается с каждым днем;

Медленное развитие чувств (*slow burn*), когда герои сближаются очень постепенно, шаг за шагом, а не влюбляются с первого взгляда;

Противостояние характеров, где главный герой — холодный и закрытый мужчина, а героиня — дерзкая и острая на язык девушка, которая не боится давать ему отпор;

Фокус на романтике, а не на сложном сюжете — для меня здесь на первом месте были именно эмоции, химия и переживания персонажей.

Но, возможно, тебе не стоит тратить свое время на эту историю, если ты:

Ждешь быстрого развития событий и экшена. Герои будут долго присматриваться друг к другу, сомневаться и анализировать свои шаги;

Хочешь легкого и быстрого сближения. Эта история долгого противостояния характеров, поэтому героям понадобится время, чтобы научиться доверять и открываться друг другу;

Ищешь исключительно мягкого и заботливого героя с первых глав. Мой главный герой холоден, расчетлив и привык все контролировать, поэтому его поступки поначалу могут казаться резкими или отталкивающими.

Я не пыталась написать сложную драму о бизнесе. Вся эта история создана ради чувств, эмоционального накала и романтики, которая рождается вопреки всем правилам.

Этот роман о том, как за маской равнодушия и колкостей рождаются настоящие чувства. Если ты любишь красивое эмоциональное противостояние, искры и медленное погружение в запретные чувства — добро пожаловать на эти страницы.

С любовью, твоя Тина Альберт

Глава 1

Блэр

— Как я могу писать о любви, когда сама больше в неё не верю?!

Кричу на монитор. На эти жалкие строчки, которые час назад казались мне гениальными.

Выделяю всё. Удаляю.

Откидываюсь на спинку кресла и смотрю в потолок. Свет ночника рисует на нем жёлтые пятна. Бессилие висит надо мной полгода. Полгода творческого паралича. Может, больше. Я перестала считать где-то в феврале. Как перестала верить в счастливые концы.

Все советуют одно и то же: отвлечись, почитай, посмотри кино. Но меня тошнит от чужих историй. Тошнит от этих любовных сюжетов, от человеческой потребности поверить, что где-то есть кто-то особенный для тебя. Все эти истории написаны такими же одинокими людьми, как я — писателями, которые придумывают то, чего сами никогда не видели. А мир потребляет. Ему нужна эта красивая ложь. Нужна вера в то, что где-то в этом бессмысленном хаосе существует что-то настоящее. А я устала её подделывать.

Всё равно тянусь к книге с прикроватной тумбочки. Может, хоть что-нибудь встряхнёт меня. Заставит снова поверить в это самое лживое навязанное всему обществу чувство

— любовь?

Открываю на первой странице. Читаю одно предложение. Закрываю.

Искусственно. Всё искусственно.

И тут — шорох. Где-то в глубине квартиры.

Я замираю. Сердце подскакивает и стучит в висках. Невозможно.

Только не это.

Грабитель. В квартире бедного писателя, у которой из ценностей — ноутбук с удалённой рукописью и початая бутылка бурбона. Что они планируют найти? Слитки? Бриллианты? Логика преступного мира явно хромает.

Так. Меня грабят. Что делать? Соберись, Блэр.

Тянусь за телефоном. Пальцы дрожат, набираю 911, не нажимая вызов, и начинаю красться к двери — медленно, держась вдоль стены. Если повезёт, закроюсь изнутри и подожду. Пусть берут что хотят.

В щель между дверью и косяком я вижу силуэт. Не мужчина в маске. Хуже.

Распахиваю дверь.

— Ханна, какого хрена?! — вырывается у меня.

— А-а-а! — она роняет что-то на пол и прижимает руку к груди.

— Что ты орёшь? Ты вообще-то вломила в мой дом без предупреждения, — продолжаю я. — Я понимаю, у тебя есть ключи, но можно было бы хотя бы сказать, что ты приедешь.

Или написать: "Я в городе".

Она улыбается виновато и щебечет:

— Прости, солнце, я думала, что тебя нет дома.

Я развожу руками. Железная логика.

— Ну не злись, сестрёнок, — она уже идёт ко мне с распростёртыми объятиями, и в голосе этот знакомый щебет, от которого невозможно оставаться злой. — Я соскучилась. Дай обниму тебя наконец.

Я сбрасываю несостоявшийся звонок в полицию и обнимаю её в ответ. Она пахнет аэропортами и своими духами — сандал и бергамот.

— Я чуть копов не вызвала, — говорю я ей в плечо.

— Серьёзно? — она отстраняется. — Я же писала тебе неделю назад, что возвращаюсь в Штаты.

— Я не помню, — отмахиваюсь я и иду за бутылкой.

Достаю красное — то самое, которое мы открываем только по важным поводам. Появление Ханны после трёх месяцев молчания, пожалуй, считается.

— Будешь?

Она одобрительно прищуривается, и я разливаю по бокалам.

— Как твой тур по Азии? — спрашиваю, следя за тем, как вино лениво стекает по бокалу.

— Китай, Сингапур, Корея, Япония, — она берёт бокал и делает первый глоток. — Прекрасно и невыносимо одновременно.

Устраиваемся на диване, и я слушаю, как Ханна рассказывает про Токио, уличную еду в Бангкоке и какой-то рынок в Сеуле, где она потратила всю наличку за час. Она размахивает руками, смеётся на собственных историях, и в такие моменты я думаю: может, ну его, это писательство? Блогерство явно кормит лучше. И никакого редактора, который возвращает рукопись с пометкой «требуется доработки».

Но стоит только представить себя с вытянутой рукой, фальшиво щебечущей в объектив, как меня передёргивает. Нет. Это не моё. У Ханны харизма бьёт через край, а у меня речевой аппарат парализует от одной мысли о публичности. Люди почему-то уверены: если ты ловко жонглируешь метафорами в тексте, то и в жизни сыплешь афоризмами. Черта с два. Отнимите у меня клавиатуру, и я превращаюсь в косноязычную идиотку, не способную без запинки заказать кофе.

Я делаю глоток вина и смотрю на сестру. Она светится. По-настоящему. Не тем усталым блеском, который я вижу в зеркале последние месяцы, а чем-то живым изнутри.

Хорошо, что хотя бы одна из нас живёт свою лучшую жизнь.

— Вот такие дела, — Ханна откидывается на подушки и поворачивается ко мне. — Ну а ты? Рожаеть новый бестселлер?

— Бестселлер? — я нервно ковыряю заусенец. — Издеваешься? Забыла, с каким треском провалился мой последний роман?

— Ой, да брось. У всех бывают осечки. За черной полосой всегда идет белая.

— Сама не хочешь в писатели податься? С твоей-то белой полосой.

— Боже упаси. Зато могу слить тебе пару историй о моих курортных интрижках. Там такие горячие парни попадались — как раз для твоих сюжетов. Бери, дарю!

Я тяжело выдыхаю, откидывая голову на спинку дивана. Потолок кажется невыносимо серым.

— Знаешь... Кажется, я больше вообще ничего не напишу. Ни строчки.

Улыбка сползает с ее загорелого лица.

— Эй, ты чего раскисла? Откуда этот трагизм? Ты же профи.

— Профи, чей рейтинг летит в пропасть. Ты вообще видела отзывы? Меня там просто распяли.

— Да пошли они, — фыркает сестра. — Диванные критики только и умеют, что ядом плевать на собственную никчемность. Зачем ты вообще их читаешь?

— Уже не читаю.

— Вот и умница. Вспомни, сколько фанатов обожают твоих героев. Держись за это.

Ее слова звучат правильно. Максимально логично. Жаль только, что логика бессильна против мерзкого, липкого чувства собственной бездарности.

— Давай просто сменим тему, ладно? — прошу я, чув-

ствуя, как начинает ныть висок.

— Без проблем. Что на личном фронте?

— Глухо, как в танке. Можешь смело перелистывать и эту страницу.

Ханна смотрит на меня с таким выражением, которое я научилась читать ещё в детстве — смесь жалости и решимости что-то немедленно исправить. Я успеваю подумать, что это не сулит ничего хорошего.

— Только не говори, что ты до сих пор сохнешь по тому придурку... как его там? Сайлас? Майлз?

— Найлз, — глухо отзываюсь я, гипнотизируя дно своего бокала.

— Точно. Да выкинь ты его из головы.

— Я и не вспоминаю. Просто...

— Что «просто»? — фыркает сестра, делая изящный глоток. — Подумаешь, женился по залету. Скатертью дорога, придурок.

— Хватит называть его придурком.

— А кто он? Герой романа?

— Он был моей музой, — слова звучат жалко, и я сама это понимаю. — Он давал мне искру. А теперь ее нет.

Ханна закатывает глаза так сильно, что, кажется, сейчас рассмотрит собственный мозг.

— Поразительно, как этот ходячий красный флаг вообще мог вдохновить тебя хоть на строчку. Безработный мутный тип с криминальным душком и, спорим, с богатой коллек-

цией венерических заболеваний. А ты нацепила на него ярлык «плохого, но сломленного парня». Он не загадочный. Он просто не-до-умок.

— Я же просила...

— Ладно, ладно, — она со стуком ставит бокал на журнальный столик и подается вперед. В ее глазах загорается тот самый маниакальный блеск, который обычно предшествует катастрофе.

Пауза. Я знаю это её молчание — оно длится ровно столько, сколько нужно, чтобы придумать следующий манёвр.

— Знаешь что? — Ханна смотрит на меня с прищуром человека, принявшего решение. — Тебя надо вытаскивать из этого болота. Мы летим в Монте-Карло.

— Что?

— Море, казино, мужчины с яхтами. Найдём тебе нормального. С миллиардным счетом и без судимостей. И мне заодно. Гарантирую, ты забудешь свою токсичную музу в первый же вечер.

— Ты, видимо, пропустила ту часть нашего разговора, где я призналась в крахе своей карьеры, — я нервно тру переносицу. — Я нищий творец. У меня на коммуналку едва хватает, какое Монако?

— Я угощаю. Все расходы на мне.

— Ханна, нет, я не...

— Решено. — Она уже хлопает в ладоши и тянется за телефоном.

— Ханна...

Но она уже листает что-то с видом человека, который покупает билеты, а не рассматривает возможность их покупки.

— Вопрос закрыт. Летим. И это не обсуждается! — она звонко хлопает в ладоши, ставя точку.

Спорить с ней в такие моменты — все равно что пытаться остановить цунами чайной ложкой.

И вот я уже тону в глубоком кожаном кресле бизнес-класса с бокалом шампанского, которое мне принесли ещё до взлёта, и смотрю в иллюминатор на уплывающий вниз город.

Мое творческое выгорание летит вместе со мной, удобно устроившись в соседнем кресле с откидной спинкой. Дорогое шампанское кажется на вкус как вода, а мягкий плед никак не спасает от внутренней пустоты. Радоваться не получается. Сил хватает только на то, чтобы наблюдать.

А наблюдать есть за чем. Ханна работает.

Она снимает вообще всё. Процесс посадки, бокал с пузырьками на фоне облаков, идеальную подачу закусок. В премиум-такси по пути из аэропорта она умудряется ловить правильный свет, бодро щебеча с подписчиками, пока я тихо сползаю по кожаному сиденью, мечтая просто закрыть глаза.

В лобби пятизвездочного отеля история повторяется. Я стою у мраморной колонны, чувствуя себя забытым помятым багажом, а сестра делает грациозный пролет камерой по холлу. В сам номер мне заходить запрещено, пока не будет

снят идеальный, выверенный до мелочей рум-тур.

Я сижу на своем чемодане прямо в коридоре, слушаю её восторженный голос за дверью и пытаюсь свести в уме дебет с кредитом. Два билета в бизнес-класс, трансфер, этот чертов люкс... Какую же прорву денег на самом деле приносит её блог? От одних только примерных цифр у меня начинает кружиться голова. Уровень ее доходов просто не укладывается в моем привыкшем к скромным гонорарам мозгу.

Дверь открывается. Ханна выходит ко мне, тяжело выдыхает, моментально стирая с лица сияющую улыбку, и, не говоря ни слова, начинает судорожно монтировать отснятый кусок прямо на ходу, хмурия брови.

И в этот момент до меня доходит. Блогерство — это не просто легкие деньги и кривляние на камеру. Это гребаный конвейер. У нее нет ни секунды перерыва, чтобы просто выдохнуть и посмотреть на мир своими глазами, а не через объектив. Она всегда на работе.

Пожалуй, я бы сломалась на первом же дубле.

Вечер опускается на побережье мягким, густым бархатом. Мы выходим из прохладного лобби отеля, и я с наслаждением вдыхаю воздух, напоенный ароматами соли, нагретого за день камня и цветущих цитрусов.

Мы занимаем столик на террасе крошечного ресторана у самой кромки воды. Белоснежные яхты лениво покачиваются на темных волнах, играя отражениями желтых фонарей.

Я откидываюсь на спинку плетеного стула и чувствую, как расслабляются вечно напряженные плечи.

Тихое, звенящее счастье. Я здесь. Я сейчас. Мне не нужно никуда бежать, не нужно выдавливать из себя строчки текста, не нужно прятаться от собственных мыслей. Идеальный момент.

Который начинает трещать по швам с первой же секунды.

— Девочки, вы только посмотрите на этот вид! — воркует она в камеру айфона, делая губы уточкой.

Я делаю глоток ледяного белого вина, стараясь не морщиться от резкого света, бьющего по глазам. Следующие полчаса превращаются в производственный ад. Ханна снимает меню. Снимает принесенные морепродукты, заставляя официанта замереть с подносом, как восковую фигуру.

Наш официант — загорелый брюнет с небрежно расстегнутым воротом белой рубашки — мгновенно считывает правила игры. Он замирает с подносом под идеальным углом для кадра, позволяя телефону запечатлеть свои точеные скулы. Наклоняется непозволительно близко, чтобы подлить нам вина, и отпускает тягучие комплименты. Его темные глаза откровенно и жарко скользят по лицу и шее Ханны.

Сестра купается в этом внимании. Она отвечает ему кокетливым смехом, стреляет глазами из-под ресниц, но при этом ни на секунду не забывает о контенте. Стоит официанту отойти, как она тут же переключается на меня.

Просит меня сфотографировать ее — раз, второй, деся-

тый.

«Слишком много тени на лице», «Возьми чуть левее, чтобы яхта влезла», «Сними на видео, как я элегантно пью».

Мое умиротворение покрывается тонкой, зудящей коркой раздражения. Я смотрю на живую, пульсирующую красоту этого вечера, которую сестра безжалостно трамбует в цифровые квадраты.

Наконец, она откладывает телефон, чтобы загрузить контент, и мечтательно подпирает подбородок рукой.

— Эх, — вздыхает Ханна, глядя на огни залива. — Сюда бы сейчас шикарного мужчину. Чтобы обнимал со спины, шептал глупости и оплачивал этот безумный счет. Вот тогда была бы сказка.

Я замираю с бокалом у губ. Внутри поднимается глухая волна отторжения. Эта мысль кажется мне настолько противоестественной, почти оскорбительной.

Какие еще мужчины? Неужели тебе мало этого прохладного бриза? Вкуса морской воды на губах? Ощущения собственного тела, живого и здорового, в одной из самых красивых точек планеты? Почему для того, чтобы почувствовать себя просто счастливой, тебе обязательно нужен этот пресловутый «компонент» с щетиной и кредиткой? Без него ты бракованная? Без него этот вечер не считается?

Я молча достаю свой телефон. Не для блага. Не для того, чтобы доказать кому-то свою успешность. Я делаю всего пару снимков темной воды и мерцающих мачт — просто чтобы

забрать этот кусочек тишины с собой. В свою собственную память, а не на серверы соцсетей.

Когда мы возвращаемся в номер, раздражение рассеивается. Я стою у распахнутого окна, вслушиваясь в шум прибоя.

И вдруг понимаю: всё закончилось.

Найлз. Моя разрушенная муза. Человек, из-за которого я год смотрела в пустой монитор, упиваясь собственной никчемностью. Я тянусь к воспоминаниям о нем, ожидая привычного укола боли под ребрами, но там... пусто. Только ровное, спокойное биение моего собственного сердца.

Я чувствую это так отчетливо, как никогда прежде. Связь оборвалась.

«Я отпускаю тебя», — произношу я мысленно в темноту над морем.

Это звучит как щелчок открывшегося замка на тяжелой двери. Невероятная, пьянящая свобода разливается по венам, вымывая остатки горечи.

Я оборачиваюсь и смотрю на Ханну. Она уже спит, раскинувшись на огромной кровати, всё еще сжимая в руке телефон. Несмотря на ее бесконечные сторис, на ее одержимость идеальной картинкой и богатыми мужьями, меня накрывает теплой волной искренней благодарности.

Если бы она не вытащила меня в это путешествие, если бы не заставила дышать этим воздухом — я бы так и осталась гнить в своей раковине. Я свободна. И завтрашний день

впервые за долгое время принадлежит только мне.

Я забираюсь под прохладное, хрустящее одеяло с легким сердцем. Шум прибора за окном работает лучше любого снотворного, и я проваливаюсь в темноту, уверенная, что теперь всё будет иначе.

Но у подсознания свои извращенные планы.

Во сне ко мне приходит Найлз. Это не размытое, сюрреалистичное видение, а пугающе плотная, осязаемая реальность. Я чувствую знакомый терпкий запах его парфюма. Его руки ложатся мне на талию, и от этого прикосновения по коже расходится жар. Он не произносит ни слова, просто находит меня, его тело тяжелое и обжигающе горячее. Найлз толкает меня на огромную кровать, нависая сверху. Его губы скользят по моей шее, дыхание опаляет ключицы. Тело мгновенно отзывается, плавится от предвкушения, я выгибаюсь навстречу, понимая, что сейчас, прямо в следующую секунду между нами случится то, чего я так отчаянно жаждала...

И всё срывается в пустоту.

Я резко распахиваю глаза, судорожно втягивая воздух, словно вынырнула из-под воды. Грудь тяжело вздымается. В номер сквозь щель в шторах уже пробивается яркое утреннее солнце Монако.

Провожу ладонью по лицу, пытаюсь стряхнуть липкий морок сна, и нашариваю на прикроватной тумбочке телефон. Нужно посмотреть время.

Восемь утра.

Экран загорается, высвечивая уведомления, и я замираю. Дыхание снова перехватывает, но уже по другой причине. На заблокированном дисплее висит одно неп прочитанное сообщение.

От Найлза.

«Как там Монако?»

Я тупо смотрю на эти три слова. Моргаю раз, другой, но буквы не исчезают. Мозг начинает лихорадочно сопоставлять факты. Если здесь, на побережье, сейчас восемь утра, то в Нью-Йорке — три часа ночи. Глухая, темная ночь.

Ничего не понимаю. Пальцы, только что горевшие во сне, становятся ледяными.

Найлз никогда не писал мне первым. За всё время — ни единого сообщения, ни малейшего знака внимания, ни лайка, ни дежурного «как дела». А тут он пишет. И делает это в три часа ночи.

И главное — откуда он знает, где я? Я не выложила ни одной фотографии, ни одного поста. Ханна? Но Найлз презирал ее блог и отродясь не смотрел ее сторис. Он специально зашел на ее страницу? Следит за мной?

В голове бьется абсурдная, почти мистическая мысль, от которой по спине ползет холодок. Неужели он почувствовал? Как только вчера вечером я произнесла это свое «отпускаю», как только искренне, по-настоящему разорвала эту невидимую нить со своей стороны — его словно дернуло током на

другом конце Атлантики? Ему стало физически необходимо дернуть за поводок, проверить, на месте ли я?

Всё это кажется до дрожи странным. И пугающе неслучайным.

Блокирую экран и отбрасываю телефон в сторону. Пока решаю не отвечать. Может, вообще стоит проигнорировать этот внезапный порыв? Зачем он пишет именно сейчас, когда между нами выжженная земля?

Горячий душ немного приводит меня в чувства, смывая липкие остатки сна. Я переодеваюсь, выпиваю чашку крепкого эспresso из капсульной кофемашины.

За завтраком, гипнотизируя взглядом круассан, я всё-таки сдаюсь. Решаю ответить, но исключительно по существу. В конце концов, его интересует «как там Монако», а не как там я, верно? Нахожу в галерее две фотографии: белоснежные яхты и раскидистые пальмы на фоне ночного неба, которые я щелкнула вчера за ужином с Ханной. Отправляю их и приписываю одно сухое слово:

«Прекрасно».

Две синие галочки загораются почти мгновенно. Сообщение прочитано. И тишина. Он ничего не пишет в ответ. Идиот.

Спустя пару минут экран снова оживает. Но это не Найлз. Пишет мой близкий друг Питер. Читаю короткое сообщение о том, что они с Найлзом полночи просидели в баре на Манхэттене.

Ну конечно. Пазл складывается, секрет раскрыт. Напились, вот и стал таким смелым. Меня накрывает глухой волной раздражения — в первую очередь на саму себя. Жалею, что вообще уделила ему внимание, потратила на него эти утренние минуты, позволив выбить меня из колеи. Отпускаю — значит отпускаю. Без всяких «но» и пьяных пинг-понгов в мессенджере.

Когда мы выходим на прогулку, Монте-Карло бьет по рецепторам: слепящее солнце отскакивает от полированных капотов спорткаров, воздух густой, тягучий от запаха соли, дорогого солнцезащитного крема и раскаленного асфальта. А Ханна снова включает камеру.

Она снимает всё подряд: пальмы, сверкающие витрины Картье, свою безупречную укладку на фоне казино и мой кислый профиль. За последние полчаса ее телефон окончательно превратился в нашего третьего, невидимого спутника, который требует непрерывного внимания. Меня начинает потрясывать от этого бесконечного монолога в пустоту и необходимости постоянно уворачиваться от объектива. На языке вертится едкое замечание, но я сглатываю его вместе с подступающим раздражением. В конце концов, именно эта вытянутая рука с айфоном оплатила наш перелет и тот мраморный люкс. Это её работа. Выматывающая, странная, но приносящая реальные деньги. Поэтому я стискиваю зубы, молчу и просто плетусь следом, стараясь слиться с фоном.

— ...и вы только посмотрите на эту архитектуру, ребят!

Это же просто отвал всего! — вещает сестра, плавно кружась на узком тротуаре.

Я отключаюсь от ее щебетания. Мой взгляд скользит по глянцевым витринам с сумками по цене почки и вдруг цепляется за нечто иное. Узкая, старомодная дверь, чудом выжившая между двумя помпезными бутиками. Над ней — темная деревянная вывеска.

Книжный.

Сквозь бликующее стекло виден спасительный полумрак, стремящиеся к потолку стеллажи и корешки, корешки, корешки... Мой личный портал в другое измерение.

Ноги сами меняют траекторию. Это рефлекс. Как у завязавшего алкоголика, случайно заметившего открытую дверь бара. Там тихо. Там нет камер и успешного успеха. Там пахнет типографской краской.

Я успеваю сделать всего три шага к заветной витрине.
— Эй! — голос Ханна резко теряет елейные нотки.

Она опускает телефон, мгновенно сбрасывая маску торжественного гида, делает быстрый выпад в мою сторону и цепко перехватывает меня за локоть.

— Никаких книжных! — отчеканивает она тоном, не терпящим возражений.

— Всего пять минут, — я поднимаю руку, безбожно торгуясь. — Пять минут тишины, Ханна. Твоим подписчикам тоже нужна пауза на рекламу.

Она закатывает глаза с таким усилием, что, кажется, сей-

час испортит себе идеальные стрелки. Взгляд сестры падает на запястье — бриллианты на ее циферблате ловят солнечный блик, ослепляя меня на секунду.

— Засаекаю, — цедит она. — Триста секунд. Потом я захожу туда и устраиваю прямой эфир из отдела эзотерики.

— Идет!

Я толкаю тяжелую дверь и ныряю в спасительную полутьму. Гул ревущих моторов и уличной суеты отсекает, как ножом. Воздух здесь сухой, прохладный. Я делаю глубокий вдох, позволяя плечам наконец-то опуститься. Мой личный рехаб. Пальцы привычно тянутся к полкам, скользя по шершавым корешкам.

Ноги сами несут меня к стеллажам с современной романтикой. Я сканирую полки профессиональным, хоть и потухшим взглядом. Мозг автоматически считывает шрифты, цветовую гамму, маркетинговые крючки. Ищу то самое чувство — легкий укол любопытства.

Останавливаюсь на темной матовой обложке. Два силуэта, неоновые блики мегаполиса, дистанция между героями такая, что напряжение сочтется прямо через картон.

«Иллюзия брака».

Троп: фиктивные отношения.

Классика.

Я достаю томик, взвешивая его в руке. Приятная тяжесть. Глаза пробегают по строчкам аннотации на обороте:

«Стать женой миллиардера оказалось не так сложно.

Особенно если брак фиктивный. Но так ли легко завоевать его сердце и влюбить в себя по-настоящему?»

— Да ты издеваешься.

Голос Ханна бьет по ушам, разрушая хрупкую магию момента. Я даже не уловила стука ее каблуков.

Она стоит вплотную, буравя взглядом книгу в моих руках. На ее идеальном лице написана такая смесь жалости и брезгливости, будто я прижимаю к груди использованный шприц.

— Любовные романы? — тянет она. — Опять? Seriously, Блэр? Тебе своей драмы мало?

Прежде чем я успеваю открыть рот, Ханна делает резкий выпад и выдергивает том из моих пальцев. Край жесткого переплета больно царапает кожу.

— Эй! — я дергаюсь вперед. — Верни на место. Немедленно.

Она отступает на шаг, держа книгу на вытянутой руке, как улику.

— Ты ведь правда в это веришь, да? — в ее голосе звучит снисходительность взрослого, поймавшего ребенка за письмом Деду Морозу. — Думаешь, в один прекрасный день из-за угла вырулит красавчик с платиновым счетом, посмотрит в твои печальные глаза и скажет: «Блэр, я искал только тебя. Будь моей женой»?

— Я так не думаю, — цежу я сквозь зубы.

— Ещё как думаешь. — Ханна делает шаг вперед, вторгаясь в мое личное пространство, не давая отвести взгляд. —

Эти сказки пробили брешь в твоём восприятии реальности. Твои мозги теперь розового цвета. И с блёстками.

— С блёстками? — Я издаю короткий, нервный смешок. Раздражение внутри закипает, грозя сорвать крышку.

— Именно, — Ханна кивает с невозмутимостью. — Я уверена: если вскрыть тебе череп, оттуда фонтаном брызнет конфетти в форме сердечек. Твои романы вдалбливают удобную ложь: сиди тихо, страдай красиво, ничего не делай, и мужик сам упадет к твоим ногам. Решит все проблемы одним взмахом чековой книжки. Хэппи-энд. — Она звонко щелкает пальцами прямо перед моим носом. — Но реальность так не работает, сестренка. В этой жизни дичь нужно выслеживать. Брать всё в свои руки.

Этот щелчок срабатывает как спусковой крючок. Что-то внутри меня срывается с резьбы.

— В свои руки, говоришь? — Мой голос падает на октаву, лишаясь всяких эмоций. Абсолютный лед.

Я делаю резкий выпад и вырываю свой роман из ее пальцев. Ханна даже ахнуть не успевает.

— Спасибо за мастер-класс по прикладной охоте на мужчин, — чеканю я, глядя ей прямо в глаза. — Но знаешь что? Я лучше буду давиться конфетти и читать выдуманные истории, чем верить, что настоящую любовь можно подцепить, виляя задницей по ночным клубам в надежде на выгодную сделку.

На долю секунды на лице Ханны мелькает уязвленность,

но она тут же прячет ее за маской светской надменности. Она скрещивает руки на груди, и ее идеальная осанка становится еще жестче.

— Не просто по клубам, Блэр. По закрытым приватным клубам. Доступ только для людей с девятизначными суммами на счетах. Чувствуешь разницу?

Я медленно отворачиваюсь к стеллажу идвигаю книгу обратно на полку, наслаждаясь глухим звуком, с которым она встает на место.

— Для миллиардеров? — Я поворачиваю голову и прищуриваюсь, оглядывая сестру с ног до головы. — И как же ты собираешься пройти фейс-контроль, Ханна? Оплатишь членский взнос бартером из сторис?

— Связи, — Ханна выдыхает это слово с таким благоговением, будто называет код от банковского хранилища. — Я по крупицам собирала инсайды об этих закрытых тусовках. Улыбалась нужным людям, терпела откровенных мудаков, фильтровала слухи. Это стратегия, Блэр. Холодный, математический расчет, который приведет меня к цели. А твоя стратегия? — Она насмешливо вскидывает бровь. — Ждать, пока в эту книжную богадельню забредет наследник империи на белом «Мазерати» и спасет тебя от кризиса жанра?

— Я никого не жду, — чеканю я, хотя внутри всё болезненно сжимается от меткого удара по моему писательскому блоку.

— Да неужели? — Ханна театрально разводит руками,

обводя полупустой зал. — Тогда открой глаза. Владельцы хедж-фондов не тусуются в отделе уцененной прозы.

Я оглядываюсь. Чисто из упрямства, хотя прекрасно знаю, что она права. В секции классики сухая старушка в потертом твиде бережно, почти любовно поглаживает корешок Диккенса. Возле стеллажей с фантастикой сутулится парень в худи — он настолько врос в текст, что не оторвал бы взгляд, даже если бы сработала пожарная сирена. Запах бумаги. Тишина.

Мое убежище.

Я не ищу здесь спасителя с чековой книжкой. Ханна ни черта не понимает. Я прихожу сюда за чужими жизнями, потому что моя собственная сейчас напоминает черновик, который хочется пропустить через шредер. Здесь безопасно. Здесь нет мужчин, способных выпотрошить тебе душу и оставить с пустым экраном ноутбука.

Мелодичный звон дверного колокольчика вспарывает тишину.

Они не врываются с шумом. Никакой спешки или суеты. Но с их появлением атмосферное давление в магазине резко падает. Кажется, кислорода вдруг становится вдвое меньше, словно эти двое принесли с собой собственный микроклимат.

Двое мужчин.

Первый движется с ленивой, обманчиво расслабленной грацией хищника, которому не нужно заявлять о своем ста-

тусе. На нем безупречно сидящий костюм темно-синего оттенка. Никакой кричащей роскоши, никаких брендов на показ — только тихие деньги, которые чувствуются на уровне инстинктов.

Второй идет на полшага позади. Массивная фигура, глухой темный пиджак, едва скрывающий габариты, и цепкий взгляд, мгновенно сканирующий слепые зоны, выходы и нас с Ханной. Ему не нужны бейджи или таблички. От него за версту фонит профессиональным насилием и абсолютной готовностью убить за того, кто идет впереди.

Мужчина в синем костюме останавливается. Его взгляд быстрый, сканирующий, мазком проходится по парню в худи и вдруг намертво фиксируется на мне.

Никакого кинематографического слоу-мо. Просто физика: он делает шаг, и гравитация в помещении меняет вектор. Он идет прямо на меня. Телохранитель отсекает пространство за его спиной, двигаясь бесшумно и неотвратно.

Я судорожно вцепляюсь взглядом в первую попавшуюся книгу на полке. Делаю вид, что аннотация — самый увлекательный текст в моей жизни. Строчки сливаются в сплошной вибрирующий штрих-код.

Это не ко мне. Просто совпадение. Ему нужен другой отдел. Стеллаж...

С женской романтической прозой? Серьезно? Владелец заводов-газет-пароходов пришел лично проконтролировать продажи любовных романов?

Шаги стихают пугающе близко. Мое личное пространство сминается под давлением чужой ауры. Воздух вокруг внезапно пахнет озоном и черным перцем.

Мой взгляд упирается в оксфорды ручной работы. Тончайшая кожа, идеальная колодка. Такие не покупают в бутиках. За такими летают на частных джетах к потомственным итальянским обувщикам.

Приходится поднять голову, иначе я рискую заработать спазм в шее.

Мужчина возвышается надо мной. Вблизи он кажется еще более подавляющим. Его глаза — не дурацкие «осколки неба» из моих черновиков, а пронзительно-синие, как сердцевина газового пламени. Изучают мое лицо с такой хищной интенсивностью, что у меня возникает инстинктивное желание вжаться лопатками в деревянный стеллаж.

— Простите. — Его голос не бархатный. Он похож на звук дорогого автомобильного мотора на низких оборотах. Вибрирующий, с едва уловимой шероховатостью акцента, который я не могу идентифицировать. — Вы случайно не Блэр?

Желудок ухает куда-то в район итальянских оксфордов. На периферии зрения я замечаю, как у Ханны буквально отваливается челюсть.

— Да, — выдавливаю я. Звучит так жалко, будто я надышалась пылью. Сглатываю вязкую слюну, пытаюсь заставить связки работать. — Откуда вы...

Знаете?

Откуда этот невероятный мужчина знает моё имя?

Лицо незнакомца неуволимо меняется. Жесткие линии челюсти расслабляются, губы растягиваются в пугающе искренней улыбке, от которой в уголках его глаз собираются тонкие лучики морщинок.

— Боже, Блэр, — выдыхает он с таким фанатичным облегчением, словно я — антидот, который он искал по всему миру. — Наконец-то. Я так долго тебя искал.

Я встречаюсь взглядом с Ханной. Её глаза расширены, рот приоткрыт, на лице застыло выражение абсолютного шока.

Что происходит?

Мой мозг отчаянно пытается загрузить хоть какое-то логичное объяснение происходящему, но выдает лишь ошибку системы.

— А вы, собственно, кто?

— Я Донатьен Вельмонт, — произносит он, протягивая руку. Движение плавное, небрежное. Манжета белоснежной рубашки скользит вверх, обнажая тусклый блеск платиновых часов, которые стоят больше, чем вся моя жизнь, включая нераспроданный тираж последней книги. — Наследник империи Вельмонт.

Моя ладонь дергается навстречу на голом рефлексе социального приличия. Его хватка сухая, властная. Кожа к коже — и меня прошивает коротким замыканием. Это прикосновение человека, привыкшего владеть абсолютно всем, до чего он дотрагивается.

— Очень... мило, — выдавливаю я.

Мой словарный запас писателя скукожился до уровня пятилетки.

Вельмонт делает еще полшага вперед. Теперь нас разделяет едва ли пара десятков сантиметров. Мое личное пространство безжалостно уничтожено. В его глазах нет никаких романтических искр — только холодный, расчетливый азарт.

— Блэр. — Он снова произносит моё имя, и от этого низкого, вибрирующего тембра внутри у меня что-то обрывается и летит в пропасть. Его губы трогает легкая, почти снисходительная полуулыбка. — Я не привык тратить время впустую, поэтому перейду сразу к делу. Ты выйдешь за меня замуж?

Справа раздается гулкий удар. Ханна роняет на паркет тяжелый подарочный фолиант. Ее картина мира только что потерпела крушение в прямом эфире, разлетевшись на куски.

А я просто смотрю в пугающе-синие глаза Вельмонта, отчаянно пытаюсь вспомнить, как работает базовая функция человеческого организма — дыхание.

Глава 2

Донатьен

Пять часов назад

— Паршивец. Дегенерат. Разочарование.

Голос отца легко прорезает плотную симфонию Вивальди, льющуюся из скрытых акустических панелей. Я глубже вжимаюсь в прохладную кожу кресла, прикрываю глаза и мысленно загибаю пальцы, классифицируя оскорбления. Словарный запас старика впечатляет, но предсказуем. Если бы я получал по тысяче долларов каждый раз, когда он называет меня «ничтожеством», империя Вельмонт давно бы перешла в мои руки чисто финансовым путем.

Моя вина лишь в том, что вчерашний прием арабской делегации... слегка отклонился от протокола.

Свет из панорамных окон, выходящих на залитый солнцем порт Монако, бьет по глазам с жестокостью инквизитора. Мой мир рушится от пульсирующей головной боли. Еще бы ему не рушиться: меня вытащили из постели в самую рань. Двое амбалов из отцовской службы безопасности просто вошли в мой пентхаус, вежливо, но непреклонно упаковали меня в мятый пиджак и доставили сюда, как ценный, но слегка бракованный груз.

Во рту пересохло так, словно ночью я жевал песок. На полированном столе отца призывно потеет хрустальный гра-

фин с ледяной водой. Я подаюсь вперед, протягивая руку к спасительному стакану.

Пальцы отца ложатся на хрусталь. Он медленно, глядя мне прямо в глаза, отодвигает графин на другой конец стола. Вне моей досягаемости.

— Эй, — хриплю я, сглатывая наждачку в горле. Пытаюсь изобразить свою фирменную улыбку, от которой сейчас, трескается лицо. — Да ладно тебе. Ну, перебрали немного вчера на приеме. С кем не бывает? Ты будто сам не отрывался в молодости?

Венсан Вельмонт замолкает. И вот это пугает по-настоящему. Когда он орет — это нормально, это рабочая обстановка. Когда он молчит, в мире обычно падают рынки.

— Отрывался? — его голос звучит пугающе тихо, почти устало. — Ты что, совсем не понимаешь, что натворил?

Отец тянется к пульту.

Я мысленно съеживаюсь. Утром я специально не открывал новости. Пока ехал сюда, старательно игнорировал вибрирующий от сообщений телефон. Ненавижу прессу. У этих стервятников талант выставять меня в худшем свете, даже если я просто чихнул на благотворительном вечере.

Огромная плазменная панель на стене оживает. Скрипки Вивальди тактично умолкают, уступая место оглушительному клубному биту.

На экране по кругу крутится пятнадцатисекундный ролик из TikTok. Качество зернистое, залитое кислотным неоном,

но главный герой узнаваем до тошноты. Это я.

Я смотрю на себя: рубашка расстегнута до неприличия, взгляд остекленевший, на губах блуждает идиотски-счастливая улыбка. На видео я стою у столика, со смехом хватаю кусок какого-то пурпурного шелка с золотой вышивкой и... небрежно полирую им носок своего лофера, на который кто-то щедро плеснул липким ликером.

Мой желудок делает кульбит. Пурпур и золото.

Флаг Аль-Махида.

Отец молча свайпает по планшету, выводя на экран заготовки утренней прессы. Буквы размером с Эйфелеву башню кричат на меня со всех сторон:

«Вельмонт подтирает ноги миллиардами: Сделка с Аль-Махид в огне».

«Конец империи? Наследник Вельмонтов публично оскорбил шейхов».

«\$15 млрд за чистые туфли: Самая дорогая салфетка в истории».

Тошнота подкатывает к горлу, напрочь вытесняя жажду. Я не помню этого. Вообще. В моей трещащей по швам голове болтаются лишь рваные, бессвязные кадры.

Вспышка.

Оглушительный бас вибрирует где-то в ребрах. Кто-то вкладывает мне в руку бокал. Пятый? Восьмой? Виски обжигает горло.

Вспышка.

Чей-то заливистый смех, острый запах чужих духов и женский голосок: «О боже, Дон, твои туфли испорчены!».

Вспышка.

Ощущение прохладного плотного шелка в пальцах. Я был абсолютно уверен, что это просто дурацкая декоративная салфетка! Из тех пафосных тряпок, что вечно разбрасывают в VIP-зонах для антуража.

Ледяной пот скатывается по позвоночнику. Господи. Мир думает, что я совершил дерзкий политический демарш, плюнул в лицо восточным партнерам и показал оскал западного капитализма. Но правда в разы унижительнее: я просто был идиотом в отключке, которому срочно понадобилось протереть обувь.

Только как это объяснить прессе?

«Извините, я не геополитический террорист, я просто алкоголик-эстет»?

Перевожу взгляд на отца. Венсан сидит неподвижно. Его плечи опущены, а в глазах плещется такое глубокое, абсолютное разочарование, что мне хочется провалиться сквозь итальянский паркет. Лучше бы он швырнул в меня этим чертовым графином.

— Делегация Аль-Махида покинула отель сегодня в шесть утра, — ровным тоном чеканит отец. — Мои юристы уже получили уведомление о разрыве всех протоколов.

— Отец, я... — я сглатываю вязкую слюну. — Я клянусь, я думал, это салфетка. Я не хотел...

— Официальная формулировка их стороны, — безжалостно перебивает он, игнорируя мои жалкие оправдания, — «приостановка переговоров в связи с глубоким оскорблением национального достоинства». Пятнадцать миллиардов, Донатьен. Десять лет моей работы. Ты стер их в порошок одним движением своей руки.

Я молчу. Воздух в кабинете внезапно становится слишком тяжелым, чтобы им дышать.

— Совет директоров соберется завтра утром, — в голосе отца звучит тон, не оставляющий ни малейшей надежды. — Они проголосуют за твою отставку. И я не стану накладывать вето. С завтрашнего дня, мой мальчик, ты не будешь управлять в этой компании даже отделом клининга.

Он отворачивается к окну.

И почему-то именно сейчас Вивальди снова вступает из колонок — торжественно, громко и совершенно издевательски.

Сейчас будет коронный номер. Сценарий не менялся последние лет пять.

— Это финал, Донатьен. — Отец с такой силой обрушивает кулак на столешницу из мореного дуба, что массивная хрустальная пепельница жалобно подпрыгивает. — Я отсекаю тебя от счетов. Лишаю наследства.

Бинго.

Уголок моих губ дергается в привычной, ленивой усмешке — чисто рефлекторная броня, которую я всегда надеваю

в этом кабинете. Ошибка. Фатальная.

— Тебе смешно?! — Старик подается вперед, нависая над столом. На его виске пульсирует толстая, вздувшаяся вена. — Думаешь, я блефую? Совет директоров требует стабильности. Акции холдинга лихорадит каждый раз, когда ты растегиваешь ширинку! Ты не способен управлять корпорацией. Ты не способен даже создать нормальную семью! Твой потолок — эскортницы и модели, которым нужен только безлимитный пластик и доступ к твоей постели!

Усмешка умирает, так и не добравшись до глаз.

Воздух в кабинете внезапно становится тяжелым, спертым. Я смотрю в лицо отца и с ледяной ясностью понимаю: на этот раз это не воспитательная беседа. В его взгляде нет привычного бессильного раздражения — только холодный, свинцовый расчет. На краю стола лежит папка с логотипом нашей карманной юридической фирмы. Документы уже готовы.

Он действительно собирается вышвырнуть меня за борт.

Адреналин бьет по нервам, как разряд дефибриллятора. Я не могу потерять компанию. Не сейчас, когда у меня готовы проекты по реструктуризации, которые удвоят нашу прибыль. Да и, будем откровенны, я слишком сросся со своим статусом, чтобы начинать с нуля.

Мозг переходит в режим жесткого кризис-менеджмента. Мне нужен козырь. Прямо сейчас. Что-то, что сломает его логику и даст мне отсрочку.

Он хочет стабильности. Он хочет иллюзию идеальной семьи.

Идея вспыхивает в сознании — дикая, абсурдная, собранная на коленке, но идеально подходящая для этой секунды.

Я медленно выдыхаю и открываю глаза, выпрямляясь в кресле. Взгляд — прямой, тяжелый, с легким налетом усталой обреченности.

— Вообще-то, отец, — мой голос звучит ровно, без малейшей дрожи, — ты ошибаешься. Я влюбился. У меня есть женщина, и у нас всё серьезно.

Вивальди в динамиках берет пронзительный аккорд.

Венсан замирает. В его глазах мелькает короткое замыкание.

— Что ты несешь? — выплевывает он через секунду, но я уже вижу брешь в его броне.

— Правду, которую ты бы никогда не принял.

Отец издает короткий, лающий смешок. Он снова хватается за планшет, яростно тычет в экран и разворачивает его ко мне.

— Серьезно?! Любовь?! — Он тычет пальцем в дисплей. — Вот это — твоя любовь? Или вот эта?

На экране — свежайшие кадры от папарацци со вчерашнего приема. На одном я держу за талию длинноногую блондинку в платье, состоящем из трех страз и честного слова. На другом — шепчу что-то на ухо жгучей брюнетке с губами размером с надувной матрас.

Мой внутренний режиссер аплодирует стоя. Идеальная

подача, папа. Ты сам дал мне пас.

Я смотрю на фотографии, затем медленно перевожу взгляд на отца. Делаю паузу. Ровно три секунды. Достаточно, чтобы повисла тишина, но не слишком долго, чтобы это выглядело наигранно. Я сглатываю, позволяя капле настоящей, неподдельной боли (вызванной, правда, жаждой и похмелем, но кто разберет?) отразиться на моем лице.

— Эти девушки, — тихо, почти хрипло говорю я, — просто декорации. Пустое место. Я даже имен их не помню. Я был с ними вчера именно потому, что... — Я замолкаю, отвожу взгляд к окну, словно мне физически больно говорить. — Потому что она меня бросила. Вчера утром.

Я краем глаза вижу, как рука отца, державшая планшет, слегка опускается.

— Мы были вместе чуть больше года, — продолжаю я, плетя кружево лжи так виртуозно, что сам начинаю верить в эту несуществующую святую женщину. — Она не из нашего круга. Никаких трастовых фондов, никаких папочек-миллиардеров. Обычная семья, работает с утра до ночи. Она настоящая, понимаешь? Искренняя. Она не смотрела на мой банковский счет.

— И почему же эта святая тебя бросила? — в голосе отца все еще звучит сарказм, но он уже слушает. Наживка проглочена.

— Потому что я трус, — быю я себя в грудь с обезоруживающей откровенностью. — Я прятал ее. Мы встречались

тайно больше года. Она устала быть моим секретом. А знаешь, почему я ее прятал?

Я подаюсь вперед, опираясь локтями о колени, и смотрю отцу прямо в глаза. Мой ход.

— Из-за тебя.

Отец вздрагивает.

— Да, из-за тебя, — мой голос набирает силу, вибрируя от тщательно дозированного обвинения. — Я знал, что ты ее сожрешь. Знал, что ты устроишь ей допрос с пристрастием, наймешь детективов копаться в ее прошлом и заявишь, что она охотница за состоянием. Я хотел защитить ее от твоего гребаного снобизма! А в итоге... потерял. Она собрала вещи и ушла, сказав, что ей нужен мужчина, а не мальчик, который боится папочкиного гнева.

Я замолкаю.

— Вчера на приеме, — я горько усмехаюсь, проводя рукой по волосам, — я не праздновал, отец. Я заливал горе. Я пил так, чтобы забыть ее глаза, когда она закрывала за собой дверь. Я не помню ни дипломатов, ни флагов, ни этих девиц на фото. Я просто хотел сдохнуть. Да, я сорвал сделку. Да, я облажался. Но не потому, что я безответственный дегенерат. А потому, что у меня вырвали сердце, и я не справился.

Тишина. Только Вивальди все так же тихо играет на фоне.

Я сижу, опустив голову, изображая сломленного, но искреннего мужчину. Внутри меня ликует гениальный мошенник. Ловушка захлопнулась. Я перевел фокус с геополити-

ческого скандала на семейную драму, сделал себя жертвой любви, а отца — косвенным виновником моего срыва.

Старик щурится. Я вижу, как внутри него борются циничный бизнесмен и отчаявшийся отец, жаждущий нормальной семьи. Но он знает меня как облупленного. Читает мои уловки между строк, распознает ложь по микроскопическому изменению пульса.

— Надо же... — Он медленно огибает стол, двигаясь с грацией постаревшего, но всё еще опасного хищника. — Любовь всей жизни. Какая трогательная история.

Я мысленно улыбаюсь. Игра началась.

— И как же зовут эту святую женщину? — тихо спрашивает он.

Блядь.

Имя.

В голове — звенящая пустота. Картотека памяти судорожно выдает лишь обрывки: длинные ноги вчерашней брюнетки, пухлые губы блондинки с Ибицы... Как их там? Лекси? Хлоя? Слишком пошло. Нужно что-то элегантное, но не претенциозное.

Пауза затягивается. Воздух становится вязким.

— Что такое, Донатьен? — В голосе отца сквозит издевка. — Забыл имя любви всей своей жизни?

— Блэр, — выстреливаю я быстрее, чем успеваю подумать. — Ее зовут Блэр.

Откуда это вообще взялось? Кажется, так звали героиню

какого-то дурацкого сериала, который смотрела моя секретарша. Плевать. Жребий брошен.

— Блэр, значит. — Отец останавливается в метре от меня, скрестив руки на груди. Его губы кривятся в издевательской усмешке. — А что так долго вспоминал?

Я пропускаю смешок, запуская руку в волосы — жест идеального смущения, достойный «Оскара».

— Да просто... — я качаю головой, старательно изображая неловкость влюбленного идиота, которого поймали на горячем. — Я почти никогда не зову ее по имени. Понимаешь? В жизни она для меня... ну, малышка. Моя девочка. «Блэр» — это для бронирования столиков, курьеров и налоговой. А дома... блин, пап, ну это личное. Не заставляй меня краснеть, мне и так паршиво.

Ухмылка отца становится шире. Хищнее.

Плохой знак. Очень плохой. Он не поверил ни единому слову. Его взгляд препарирует меня, как лягушку на уроке биологии. Но вместо того, чтобы размазать меня по стенке, старик решает принять правила игры. А когда Венсан Вельмонт садится за игровой стол, кто-то обязательно уходит без штанов. И обычно это не он.

— Какая потрясающая нежность, — сухо роняет отец, и в его голосе нет ни грамма сахара. — Аж зубы сводит. Что ж. Раз всё так серьезно, и эта чудесная девушка действительно способна сделать из тебя человека... Жду вас обоих сегодня на ужин. В восемь.

Моя челюсть совершает неконтролируемое пике вниз.

— Но, отец... — я развожу руками, взывая к остаткам его логики, которой он обычно так гордится. — Я же сказал: она меня бросила. Вчера. Собрала вещи, хлопнула дверью и ушла в туман. Как я, по-твоему, приведу ее на ужин?

Венсан опирается обеими руками о столешницу, нависая надо мной. От него веет абсолютной, непререкаемой властью.

— Значит, у тебя есть время до восьми вечера, чтобы совершить чудо, Донатьен. Ползай на коленях. Завали ее бриллиантами. Спой серенаду под балконом — мне абсолютно плевать, как ты это сделаешь. Помиришь с ней и приведи знакомиться. Это твой последний шанс исправиться.

Он резко разворачивается, подходит к столу и с размаху хлопает ладонью по пухлой папке — той самой, с документами о лишении наследства. Звук удара хлестко бьет по натянутым нервам.

— Хочу лично познакомиться с этой необыкновенной девушкой. И если ты не врешь... Если она действительно существует, готова терпеть тебя и подарить мне внуков... — Он делает эффектную паузу, наслаждаясь моим внутренним параличом. Его глаза впиваются в меня, и в них пляшет дьявольский азарт. — Я не просто сохраню тебе компанию. Я сам оплачу вашу свадьбу.

Он выдерживает ледяную паузу, и температура в кабинете падает до абсолютного нуля.

Слово «свадьба» повисает в воздухе, как занесенная гильотина.

Я сам загнал себя в угол, мастерски заколотил дверь гвоздями и еще поджег для верности.

— Это твой последний шанс исправиться, сын. Единственный. Если в восемь ноль-ноль эта твоя... Блэр... не переступит порог моего дома, и если я не увижу своими глазами ту самую искреннюю любовь, о которой ты тут так красиво пел... завтра утром совет директоров проголосует за твою отставку. А мои юристы перепишут завещание.

— Это шантаж, — возмущенно выдыхаю я, чувствуя, как петля на шее затягивается тугим морским узлом.

— Это бизнес. И проверка на вшивость. — Отец выпрямляется и отворачивается к окну, давая понять, что аудиенция окончена. — Восемь вечера. И молись, чтобы она мне понравилась. Свободен.

Мышцы лица каменеют, но я держу удар. Дышу ровно. Я блефовал, когда на кону стояли миллионы. Справлюсь и с семейным ужином.

— Заметано, — небрежно бросаю я, направляясь к массивной дубовой двери. Шаг ровный, спина прямая. — Пойду обрадую мою девочку.

Выхожу из кабинета, закрываю за собой дверь и приваливаюсь к прохладной стене коридора. Похмелье испуганно забивается в самые темные углы сознания, вытесненное чистым, концентрированным адреналином.

Блестяще, Донатьен. Просто браво. Осталась сущая мелочь: за несколько часов часов найти в этом городе подходящую девушку по имени Блэр, уговорить ее сыграть роль любви всей моей жизни перед самым проницательным миллиардером страны и не спалиться. Желательно ту, что не выглядит так, будто берет почасовую оплату.

Прежде чем я успеваю впасть в заслуженную панику, на моем пути вырастает препятствие в виде безупречно сшитого костюма. Внутри костюма, к моему глубочайшему сожалению, находится Матиас. Мой драгоценный двоюродный брат.

Он стоит у стены с такой непринужденной грацией, будто случайно позирует для обложки делового журнала. В одной руке он держит крошечную чашку эспresso, а на его лице застыла скорбно-торжествующая мина стервятника, который наконец дождался момента, когда лев подавится антилопой.

— Доброе утро, Дон, — мурлычет Матиас с интонацией заботливой сиделки. — Выглядишь на удивление бодро для человека, чья карьера только что совершила эффектное сальто в пропасть. Видео с флагом просто шедевр концептуального искусства. Я пересматривал трижды.

Я молчу, позволяя ему насладиться звуком собственного голоса. Матиас делает микроскопический глоток кофе и сочувственно вздыхает.

— Говорят, в Аль-Махиде за такое искусство раньше отрубали правую руку по самый локоть. Тебе сказочно повез-

ло, что дядя Венсан ограничится простым увольнением. Я уже распорядился насчет коробок для твоих вещей. Знаешь, грузчики иногда бывают такими неаккуратными, а у тебя в кабинете столько хрупких предметов искусства. Не хочу, чтобы они пострадали при переезде.

Я делаю медленный вдох. Жалкие остатки похмелья услужливо испаряются, уступая место кристально чистой ярости.

Этот напыщенный индюк абсолютно уверен, что уже примеряет корону. Мне совершенно плевать на деньги, статус и личный вертолет. Я умный парень и точно не умру с голоду без трастового фонда. Но отдать империю, которую по кирпичику строил мой дед, вот этому любителю миндального молока и безопасных стратегий?

Черта с два. Только через мой труп. И труп моей выдуманной невесты в придачу.

Внутри меня разгорается пламя азарта. Матиас только что оказал мне колоссальную услугу. Он дал мне топливо. Мощнейший импульс, который перекрывает любой страх. Он подарил мне железобетонную мотивацию выжить.

Я расплываюсь в самой ленивой, самой наглой и самоуверенной улыбке из своего арсенала. Игнорируя его словесный понос, я протягиваю руку и заботливо поправляю лацкан его идеального пиджака.

— Осторожнее с кофеинчиком, Матиас, — тяну я с приторным сочувствием. — В твоём возрасте это вредно для со-

судов. Особенно когда узнаешь, что кресло тебе светит разве что в стоматологии.

Я похлопываю его по щеке — чуть снисходительнее и чуть сильнее, чем диктуют правила приличия. Его самодовольная ухмылка слегка дрогнула, в глазах мелькнуло замешательство.

— А насчет коробок не переживай, — бросаю я уже через плечо, уверенно шагая по коридору к лифтам. — Оставь их себе. Пригодятся, когда будешь паковать свои амбиции.

Иду не оборачиваясь. Шаг ровный, спина прямая. Никакой паники.

Нажимаю кнопку вызова. Створки тут же гостеприимно расходятся в стороны. Я шагаю внутрь, разворачиваюсь и только теперь смотрю на брата. Двери плавно смыкаются, отрезая меня от его растерянной физиономии.

Итак. У меня считанные часы до семейного ужина. Пять часов, чтобы найти девушку по имени Блэр, уговорить ее стать моей фальшивой невестой и убедить самого проницательного миллиардера страны в нашей неземной любви.

Игра началась. И я собираюсь уделать их всех.

Сбегаю по мраморным ступеням особняка. Гравий хрустит под моими туфлями. У черного бронированного Роллс-Ройса меня ждет Грег. Мой начальник охраны, личный телохранитель и, по совместительству, единственный человек на планете, чья нервная система способна выдерживать меня дольше недели.

Грег бесшумно распахивает тяжелую дверь. Я падаю на заднее сиденье.

Двигатель оживает с сытым урчанием. Грег смотрит на меня в зеркало заднего вида. На его каменном лице не дрогнули ни один мускул, но я чувствую исходящий от него скепсис.

— Открывай сезон охоты, — командую я. — Мне срочно нужна девушка. По имени Блэр. Желательно из бедной семьи. И она нужна мне до ужина.

Грег даже не моргает. Его лицо сохраняет выражение абсолютного дзена.

— Бедная Блэр, босс?

— Именно. У нас мозговой штурм. Как быстро найти Блэр?

— Сайты эскорт-услуг. Агентства с почасовой оплатой. Там много девушек, готовых откликнуться на любое имя.

Я раздраженно тру переносицу.

— Исключено. Мой отец сканирует людей как рентген. Он раскусит профессионалку за три секунды. Мне нужна настоящая, искренняя бедность. Девушка, которая падает в обморок от ценника на трюфели.

— Понял.

— Озадачь наших хакеров из службы безопасности. Пусть шерстят базы данных, соцсети, списки должников по студенческим кредитам. Ищут всех Блэр в радиусе пятидесяти миль. Но если они не успеют, нам нужен план Б. Физический поиск. Где вообще обитают обычные люди?

Грег садится за руль и смотрит на меня через зеркало заднего вида.

— В магазинах.

— Бутики? — переспрашиваю с надеждой. Хотя что-то знакомое. Мы можем заехать в Шанель, я ткну пальцем в любую подходящую Блэр и заберу ее вместе с новой коллекцией сумок.

— В супермаркетах, босс. В аптеках. Гуляют по улицам. Я морщусь.

— В смысле гуляют? Просто так? Без конечной точки маршрута?

— Именно так, босс, — невозмутимо кивает Грег. — Передвигают ноги, смотрят по сторонам, дышат воздухом. Совершенно бесплатно.

У меня в голове не укладывается эта жуткая концепция. Звучит как сценарий дешевого артхаусного кино. Зачем ходить пешком, если у тебя нет цели потратить деньги? Привычка получать все по щелчку пальцев сейчас играет против меня. Я могу за десять минут купить остров в Тихом океане, но совершенно не представляю, как найти обычную женщину в Монако.

— Какой кошмар, — искренне содрогаюсь я. — Ладно. Оставим бесцельные прогулки маньякам и поэтам. Куда мы поедем?

— На туристическую улицу, — предлагает Грег, заводя двигатель. — Там самая высокая плотность населения. Сту-

денты, туристы, уличные музыканты. Будем искать в толпе.

— Ты предлагаешь мне пойти в народ?

— Это самый эффективный способ, босс. Статистика на нашей стороне.

Я обреченно вздыхаю. Выбор невелик. Либо бегаю в поисках Блэр, либо самодовольный Матиас в моем кресле генерального директора.

— Поехали.

Двадцать минут спустя тонированный «Роллс-Ройсе» вползает на площадь Казино. Я привык смотреть на этот мир через пуленепробиваемое стекло, но сейчас мне предстоит шагнуть прямо в пекло. Солнце плавит асфальт, а толпа туристов сливается в одну пеструю, потную, непрерывно гудящую массу. Вспышки камер, смех, переливы уличного саксофона — всё это бьет по натянутым нервам.

Не дожидаясь, пока Грег припаркуется, я толкаю дверь и вываливаюсь в это броуновское движение.

План гениален в своей тупости: найти Блэр. Любую девушку, которая откликнется на эти четыре буквы.

Я врезаюсь в толпу.

— Прошу прощения! — преграждаю путь эффектной брюнетке в огромных солнцезащитных очках. — Вас случайно не Блэр зовут?

Она вздрагивает и судорожно прижимает к груди сумку, словно я собираюсь вырвать ее лимитированную «Биркин»

и скрыться в переулке.

— А вас? — разворачиваюсь к рыжеволосой девчонке с фисташковым джелато. — Мисс, ваше имя Блэр?

Она даже не сбавляет шаг. Проносится мимо, лишь капли тающего мороженого летят на раскаленную брусчатку.

— Блэр? — бросаюсь наперерез двум блондинкам.

Они синхронно замирают, окидывая меня взглядом. В их глазах я читаю кристально ясный диагноз: элегантно одетый психопат. Девицы перешептываются и резко меняют траекторию.

Я — Донатьен Вельмонт. В моей привычной реальности женщины сами выстраиваются в очередь, стоит мне только щелкнуть пальцами. А здесь, на улице, от меня отмахиваются, как от назойливой осы. Я для них — уличный попрошайка в костюме ручной работы. И прошу я не мелочь, а спасение собственной шкуры. Жизненно необходимую подачку, чтобы отец не стер меня из завещания.

Спустя час этой унижительной беготни я готов взвыть. Грег пытается помочь на противоположной стороне улицы, но его тактика работает еще хуже: двухметровый шкаф с лицом наемного убийцы нависает над туристками, и они разбегаются от него с тихим писком.

Дыхание сбивается.

Какого черта? Почему в тот момент в кабинете отца мой мозг не выдал что-то банальное? Анна? Хлоя? Софи? Да хоть Джессика! Но нет, мне приспичило выдать имя, которое

в Монако, видимо, занесено в Красную книгу.

Торможу у фонтана, достаю телефон непослушными влажными пальцами. Жюльен. Если кто и знает в лицо половину женского населения Лазурного Берега, так это он. Мой личный справочник по порокам.

Гудок. Второй.

— Привет, Дон! — Его голос слишком бодрый для полудня. — Бро, ты пропустил эпичную ночь! Близняшки из Милана. Я выиграл наш спор, с тебя штука евро!

— Запишу на твой счет, — рычу я, стирая со лба едкий пот. Я совершенно не в настроении слушать сводки с его сексуального фронта. — Но если ты сейчас не включишь мозги, я обанкрочусь, и платить будет нечем.

— Что за кипиш?

— Слушай меня. — Я до боли сжимаю переносицу. — В твоей бездонной черной книжке есть хоть одна Блэр?

Повисает пауза. Я отчетливо слышу, как на том конце провода звякают кубики льда в стакане.

— Не-а.

— Ни единой? Вообще? — выдыхаю я.

— Обожди. — На фоне шуршат простыни и раздается сонный женский стон. Жюльен прикрывает динамик ладонью, но я отчетливо слышу: — Эй, детка, тебя как зовут? Серьезно? Блэр?

Пuls мощным толчком бьет в барабанные перепонки.

— Дон! — В голосе Жюльена звучит щенячий восторг. —

Ты не поверишь. Ту блондинку, что сейчас лежит на моем правом плече, зовут Блэр! Чертова магия вуду!

Я застываю, как вкопанный. Поток туристов огибает меня, кто-то недовольно цокает языком. Жениться на девчонке, которая еще не успела остыть после постели моего друга? Грязно. Мерзко. Но до рокового ужина с отцом остаются считанные часы.

— Жюльен, быстро, — чеканю каждое слово. — Она из бедных?

— Какого хрена, Дон? — фыркает он. Снова слышна возня. — Эй, малышка... Нет, чувак, отбой. Она из клана Абрамс.

Проклятье. Абрамсы — нефть. Они прикуривают от долларовых купюр. Отец раскусит эту легенду за полсекунды: я четко заявил, что моя невеста — из простых.

— Ладно. — Мозг работает на предельных оборотах, выстраивая многоходовки. — Запиши ее в резерв. Возьми номер и узнай, свободна ли она вечером. На всякий пожарный.

— Ты в какую-то дрянь вляпался? — Тон Жюльена мгновенно теряет игривость.

— Объясню потом. Просто сделай.

Я сбрасываю вызов. Грег стоит у фонтана. По его кислой mine всё понятно без слов. Ни-че-го.

Делаю глубокий вдох. Запрокидываю голову к безжалостному лазурному небу. Идеальный костюм, статус, манеры — всё летит к чертям.

— Блэээээр! — рычу я на всю площадь Казино, вкладывая в этот вопль всё свое отчаяние.

Парочка пенсионеров в ужасе шарается. Кто-то из азиатских туристов уже навел на меня объектив камеры. Завтра я стану звездой таблоидов с заголовком «Срыв наследника империи Вельмонт». Плевать.

Но это не работает. Я опускаю голову, поправляю сбившийся галстук и киваю Грегу на ближайшие двери. Идем в наступление.

Первая — аптека.

Внутри бьет по ноздрям резкий запах ментола и больничной стерильности. У витрины с витаминами копошится ветхая старушка. А у кассы... девица в ультракоротких шортах нервным шепотом выпрашивает фармацевта о препаратах от гонореи.

Нет. Даже если у нее на лбу неонов горит имя «Блэр», я пас. Резко разворачиваюсь. Выходим.

Следующая дверь. Книжный магазин.

Толкаю тяжелую дубовую створку. Медный колокольчик над головой издает тихий, интеллигентный звон. Шум улицы мгновенно отсекает, словно я шагнул в другое измерение. Здесь царит спасительная прохлада, пахнет свежей типографской краской.

Сканирую помещение. Пожилая дама в твидовом пиджаке у стеллажа с историей. Прыщавый подросток уткнулся в комиксы. И... две молодые девушки у дальних полок с худо-

жественной литературой.

Пульс мгновенно срывается на рваный ритм. Вероятность совпадения равна одному на миллион, это жалкая статистическая погрешность. Но у меня просто нет выбора. Время поджигает, а Матиас наверняка уже полирует своим задом мое кожаное кресло.

Я оцениваю цель. Первая девушка выглядит как типичная глянцевая картинка. Такие пачками висят на шеях моих приятелей в закрытых клубах. Надутые губы, брендовая сумка, старательно изображающая оригинал.

Вторая является ее полной противоположностью. Выцветшая базовая футболка без единого логотипа, застиранный деним, кеды, повидавшие не один сезон. Я сканирую ее запястья. Ни грамма золота, ни малейшего намека на «Картье» или «Ван Клиф». В напряженных пальцах зажат дешевый любовный роман в мягкой обложке. Мне не нужно наводить справки о ее банковском счете. Для моего отца она просто абсолютное социальное дно. Идеальная, безупречная кандидатура.

Я поправляю лацканы своего костюма, включаю фирменную улыбку, способную растопить ледники, и уверенно шагаю к стеллажам.

— Простите. Вы случайно не Блэр? — бархатным голосом произношу я, вторгаясь в их личное пространство.

Обе вздрагивают. Я смотрю прямо на ту, что в выцветшей футболке. Иду ва-банк.

Она моргает. Огромные глаза удивленно смотрят на меня.
— Да. Откуда вы... — неуверенно тянет она.

Бинго! Джекпот! Я готов прямо сейчас расцеловать эти полки, Грега и бога статистики заодно. Меня накрывает такая волна эйфории, словно акции моей компании только что взлетели на двести процентов. Я нашел ее!

— Боже, Блэр. Наконец-то. Я так долго тебя искал, — выдыхаю я с абсолютно искренним облегчением.

Глянцевая подружка рядом с ней открывает рот, переводя ошарашенный взгляд с моих часов «Patek Philippe» на мое лицо. А вот сама Блэр смотрит на меня так, словно я только что сбежал из психиатрической клиники.

— А вы, собственно, кто? — хмурится моя идеальная находка.

Я выпрямляюсь. Пришло время ослепить ее сиянием моего статуса. Обычно на этом моменте женщины начинают поправлять волосы и томно дышать.

— Я Донатьен Вельмонт. Наследник империи Вельмонт. Жду восторженного писка. Жду обморока. На худой конец жду трепета ресниц.

— Очень... мило, — выдает Блэр тоном, которым обычно хвалят нелепый рисунок пятилетнего ребенка.

Я слегка давлюсь воздухом от такой реакции, но быстро беру себя в руки. У меня нет времени на долгие брачные танцы. Отец ждет. Ужин стынет. Сделка века висит на волоске. Пора закрывать этот контракт.

Адреналин бьет по нервам, вытесняя остатки светских манер.

— Блэр, — я очаровательно улыбаюсь, глядя ей прямо в глаза. — Я не привык тратить время впустую, поэтому перейду сразу к делу. Ты выйдешь за меня замуж?

Глава 3

Блэр

Воздух в легких сворачивается в тугой ком. Я моргаю. Один раз. Другой. Жду, когда этот галлюциногенный бред рассеется, но парень в безупречном костюме никуда не исчезает.

Он чуть склоняет голову. В его глазах нет ни капли романтики — только математический расчет и зудящая нетерпеливость.

— Не шарахайся, я не психопат. Поехали со мной, по дороге всё объясню.

Его тон ровный, безапелляционный. Так говорят люди, привыкшие, что по щелчку их пальцев расступаются моря. Я инстинктивно вцепляюсь в бумажный томик «Была ли любовь?», сменяя мягкую обложку.

— Вообще-то, — я заставляю себя вздернуть подбородок, — я иду на кассу. Покупать книгу.

Он даже не усмехается. Просто пожимает плечами.

— Без проблем. Бери что хочешь. Или давай я просто куплю этот магазин, и мы поедем?

Внутри вспыхивает глухая, колючая злость. Я для него не человек, а пункт в каком-то безумном чек-листе. Очередной актив, который нужно срочно приобрести.

— Обойдусь. И плачу я за себя сама.

Делаю резкий шаг в сторону кассы, но он перехватывает инициативу. Одно плавное, хищное движение и книга исчезает из моих рук. Я даже моргнуть не успеваю.

— Грег, закрой чек. Мы уходим.

Шкафоподобный телохранитель безмолвной тенью забирает у него мой роман и чеканит шаг к онемевшему продавцу. По позвоночнику ползет липкий холодок. Это не просто наглость богатого мажора. Это демонстрация силы. Он с ходу показывает, кто здесь устанавливает правила.

За спиной судорожно втягивает воздух Ханна.

Когда Грег возвращается и впихивает мне в руки оплаченную книгу, я деревянными пальцами прижимаю ее к груди.

— Премного благодарна, — цежу я сквозь зубы.

Незнакомец кривит губы в подобии улыбки и разворачивается к выходу. Я иду за ним. Не потому что очарована. А потому что мой писательский мозг требует узнать, в какую бездну катится эта абсурдная завязка.

На залитой солнцем улице нас ждет агрессивный «Роллс-Ройс». Мужчина распахивает пассажирскую дверцу. В нос бьет запах дорогой кожи и салона, в котором никогда не пахло фастфудом.

— Пардон, нужна только ты, Блэр. Твоя подруга...

— Сестра, — огрызаюсь я. — Ханна.

— Ханна остается.

Ледяной душ реальности окончательно смывает оцепенение. Я резко торможу у открытой дверцы и оглядываюсь на

сестру, ожидая, что она уже набирает номер полиции.

Но глаза Ханны горят маниакальным восторгом. Она даже не смотрит на меня — ее взгляд прикован к телохранителю. Она оценивающе сканирует широкие плечи Грегга, явно прикидывая, как этот суровый мужик впишется в эстетику ее нового влога.

— Тайм-аут, — бросаю я парню у машины.

Вцепляюсь в запястье сестры и волоку ее за угол, в спасительную тень раскидистого фикуса. Подальше от чужих ушей.

— Блэр, ты рехнулась? — шипит Ханна, выдергивая руку.

— Я?! Это ты готова сдать меня первому встречному с красивой челюстью! — Мой шепот срывается. — Он делает предложение в книжном, Ханна! Это клиника. Или схема по разборке на органы.

Сестра осторожно выглядывает из-за широких листьев. Наш «покупатель» небрежно прислонился к черному крылу Роллс-Ройса, скрестив руки на груди. Солнце бликует на его темных волосах и безупречном крое пиджака.

— Если он и потрошитель, то исключительно женских сердец, — мурлычет она. — И нулей на его счету явно больше, чем скальпелей в багажнике.

— Прекрати! А вдруг это маньяк?

Ханна закатывает глаза и рефлекторно выхватывает свой айфон. Ее пальцы с пулеметной скоростью отбивают дробь по экрану.

— Сейчас пробьем твоего маньяка по базе. Как он там представился? Донатьен...

— Кажется, Вельмонт, — подсказываю я.

Ханна замирает. Экран отсвечивает в ее расширившихся зрачках. Она резко втягивает воздух.

— Что там? Уголовный розыск?

— Хуже. Список Forbes. Донатьен Вельмонт. Наследник империи, отели, казино, половина побережья... — Она тычет светящимся экраном мне прямо в лицо.

Я щурюсь, разглядывая калейдоскоп глянцевого снимков. Вельмонт на палубе белоснежной яхты. Вельмонт в глухом черном смокинге на благотворительном гала-вечере. Вельмонт, небрежно приобнимающий за талию очередную длинноногую супермодель. От этих фотографий так и разит властью, пороком и деньгами, которых хватит, чтобы купить небольшую страну.

— Он реален, — благоговейно выдыхает сестра. — И неприлично богат.

Я отодвигаю телефон подальше, чтобы сфокусироваться на оригинале. Оригинал невозмутимо поправляет манжету идеального пиджака, делая вид, что нас нет.

— Это точно он? — сомневаюсь я. — Может, двойник?

Ханна фыркает и кивает в сторону огромной стеклянной витрины магазина.

— Да не, точно он. Откуда у бедного двойника Роллс-Ройс размером с кита и огромный привлекательный охранник?

— Тем более! — я в панике поворачиваюсь к сестре. — Зачем миллиардеру тащить меня в замуж прямо с улицы? Я никуда не поеду. Это ловушка. На органы пустит. Или в гарем продаст.

— Блэр, послушай меня. — Ханна хватается меня за плечи. Ее взгляд внезапно теряет блогерскую легкомысленность и становится жестким, цепким. — Твой литературный агент уже год рвет и мечет. Ты пялишься в пустой монитор, оплакивая свою сбежавшую музыку. А тут сюжет сам открывает перед тобой дверцу «Роллс-Ройса»!

— Только это не сюжет любовного романа, а завязка для криминального триллера!

— Я расшарю тебе геолокацию, — отрезает она. — Будем на связи каждую секунду. Если этот мачо с обложки хотя бы косо посмотрит — скинешь мне экстренный пинг, и Грег... то есть полиция... будет там через минуту.

Я снова перевожу взгляд на Вельмонта. Он нетерпеливо барабанит пальцами по капоту, поглядывая на тяжелый циферблат часов. В моей груди стягивается тугим узлом из липкого страха и... Острого, колючего любопытства. Того самого забытого чувства, когда заносишь пальцы над клавиатурой перед первой строчкой новой главы.

— Это чистое безумие, — одними губами произношу я.

— Выходи из комы, сестренка, — усмехается Ханна. — Твой творческий кризис только что закончился.

Делаю судорожный вдох. Легкие обжигает раскаленный

асфальт, смешанный со сладковатым запахом цветущего олеандра.

И я киваю.

Донатьен замечает нас и плавно отлипает от капота. На его лице появляется фирменная улыбка. Он делает элегантно приглашающий жест в сторону распахнутой дверцы, за которой скрывается манящий, но абсолютно непроницаемый тонированный мрак кожаного салона.

— Ни в какую тонированную машину ни я, ни моя сестра не сядем, — отрезаю я, складывая руки на груди. — Хотите поговорить? Отлично. Прогуляемся здесь, на набережной. На виду у сотен людей.

Донатьен поджигает губы. В его темно-синих глазах мелькает раздражение человека, не привыкшего к отказам, но он виртуозно прячет его за бархатной улыбкой.

— Как пожелаете, будущая миссис Вельмонт. Прогулка так прогулка. Обожаю прогулки. Грег, за нами.

Он коротко кивает своему телохранителю. Я обмениваюсь многозначительным взглядом с Ханной — та лишь едва заметно пожимает плечами, мол, «посмотрим, куда это приведет».

Мы выстраиваемся в нелепую процессию. Я шагаю рядом с миллиардером, чувствуя себя так, словно меня конвоируют. Позади нас тяжело ступает Грег, а рядом с ним семенит Ханна.

Не проходит и минуты, как у меня за спиной раздается

подозрительное шуршание. Я даже оборачиваться не стала, зная свою сестру.

Донатьен вдруг резко останавливается и бросает колючий взгляд через плечо.

— Эй, — его голос звучит хлестко, вся романтическая патка куда-то исчезает. — Никакой фото и видеосъемки. Терпеть не могу прессу, а папарацци с тиктоком тем более. Убери телефон.

Я оборачиваюсь. Ханна стоит с вытянутым айфоном, явно пойманная на горячем прямо посреди записи эксклюзивного контента для сторис.

— Грег, — небрежно бросает Вельмонт.

Гора мышц делает неуловимое движение, и вот уже телефон Ханны исчезает в огромной ладони охранника.

— Эй! Это частная собственность! — возмущается сестра, подпрыгивая.

— Вернем в целости и сохранности после прогулки, — невозмутимо басит Грег, опуская гаджет в карман своего необъятного пиджака.

— Ханна, — шиплю я на нее. — Мы тут вообще-то пытаемся выяснить, зачем этому господину понадобилась моя скромная персона.

Я снова поворачиваюсь к своему так называемому жениху. Мы продолжаем идти вдоль парапета. Чайки орут, волны бьются о камни, а я пытаюсь расколоть парня из списка Форбс.

— Итак, — нарушаю я затянувшееся молчание. — Выкладывай. Что заставляет парня в костюме ручной работы делать предложение первой встречной в книжном магазине?

Донатьен поправляет манжету и смотрит на горизонт с видом трагического героя.

— А вы не верите в любовь с первого взгляда, Блэр? — мурлычет он бархатым баритоном. — Я увидел вас там, среди стеллажей. И я понял. Вот она. Та самая. Моя судьба.

Я чуть не спотыкаюсь о собственную ногу.

— Серьезно? — фыркаю я. — Судьба? Ты сценарии для мыльных опер в свободное от управления империей время пишешь?

На его идеальном лице мелькает неподдельное удивление. Он явно не привык, что его безотказное обаяние дает такую жалкую осечку.

Он прикладывает руку к груди, мастерски изображая глубокую душевную рану.

— Вы раните меня в самое сердце. Я открываю вам душу, а вы топчете мои нежные чувства.

— Твои нежные чувства пахнут отчаянием и какой-то грандиозной аферой, — парирую я, не сбавляя шага. — Давай начистоту. Тебе нужна фиктивная жена для крупной сделки? Дедушка оставит трастовый фонд только женатому внуку? Тебя шантажирует колумбийский картель?

Донатьен тихо смеется. Звук получается искренним и пугающе привлекательным.

— Какая богатая фантазия. Может, это вы пишете детективы? Всё гораздо проще, Блэр. Я просто неисправимый романтик, уставший от фальшивых улыбок светских львиц. Мне нужна настоящая, живая девушка. Простая и искренняя.

Я смотрю на его точеный профиль и понимаю одну простую вещь. Он врет как дышит. Изобретательно, вдохновенно и абсолютно бесстыдно. Никаких реальных карт он раскрывать не собирается, предпочитая скармливать мне этот восхитительный бред.

— Вы действительно настолько циничны? Никакой веры в романтику? — спрашивает он, чуть склонив голову набок.

— Я верю в налоги, счета за электричество и в то, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке.

Он понимает, что номер с пронзенным сердцем не прошел, и мгновенно меняет тактику.

— Ладно, — он заговорщицки понижает голос и наклоняется так близко, что его губы почти касаются моего уха.

— Вы меня раскусили. Дело в пророчестве.

Я удивленно вскидываю брови.

— В чем?

— В пророчестве, — абсолютно серьезным тоном повторяет он, хотя в уголках его губ прячется усмешка.

— Пророчество? Seriously?

— Да, — он поворачивается ко мне, и на его лице появляется выражение глубокой, почти трагической серьезности.

— Несколько лет назад одна гадалка сказала, что мою истинную любовь будут звать Блэр. Она закрыла глаза, поводила руками и прошептала: «Вижу много книг... и любовь». — Он даже делает пассы руками, изображая трансовое состояние. — И вот с тех пор я каждый день маниакально обхожу книжные в надежде встретить ту самую Блэр. И сегодня, наконец, нашел тебя.

— Как романтично, — тяну я, прищурившись.

Мой внутренний писатель бьется в истерику от этого дешевого сюжета. Что-то мне подсказывает, что этот парень врёт так же виртуозно, как я танцую балет. То есть — никак.

— Ага, — кивает он, явно гордясь своей импровизацией. Я замечаю как он поглядывает на часы.

— Допустим. Но почему такая спешка? Зачем тащить меня в машину прямо сейчас, не дав даже пробить чек?

Донатьен прочищает горло.

— Потому что гадалка добавила одну деталь. Если эта встреча не произойдет до моего тридцатилетия, я... умру. А сегодня как раз последний день. Мое время истекает.

Я останавливаюсь и выразительно выгибаю бровь.

— То есть ты не любовь всей жизни ищешь, а просто пытаешься спасти свою шкуру за мой счет?

— Э-э-э... — его идеальная челюсть слегка отвисает. — Вообще-то, это должно было прозвучать иначе.

— Я лишь резюмировала твой же сюжетный поворот.

— Ну послушай, — он делает шаг ко мне, понижая голос

до шепота. — Если я говорю правду, и ты действительно моя судьба... неужели ты позволишь своему суженому вот так погибнуть? Сможешь с этим жить?

Я смотрю в его лицо. Идеальные скулы, легкая небри-тость, взгляд, от которого у большинства женщин наверняка порхают бабочки в животе. Пару лет назад я бы, как наивная дурочка, растаяла от этого напора. Но мой личный лимит на красивую мужскую ложь исчерпал один нью-йоркский га-стролер, который сейчас строчит мне по ночам. Я знаю цену этим сказкам.

Оглядываюсь через плечо. Ханна всюду стреляет глазами и смеется над чем-то, что только что сказала охраннику, а тот едва заметно улыбается краем губ. Сестра в своей стихии. А вот я — нет.

— Ладно, — говорю я, доставая телефон из сумочки. Открываю браузер и быстро вбиваю в строку поиска: *«Донатьен Вельмонт новости»*.

Экран мгновенно выплевывает десятки ссылок.

— Что ты делаешь? — напрягается он, пытаясь заглянуть мне через плечо.

— Читаю твой некролог, — я безжалостно скроллю за-головки. — Так-так... «Очередная дикая вечеринка наслед-ника империи», «Донатьен Вельмонт подрывает акции ком-пании отца», «Какие санкции применит Венсан Вельмонт к непутевому сыну?», «Сколько моделей побывало в постели завидного холостяка на этой неделе?».

Я поднимаю на него ледяной взгляд.

— Гугл считает, что ты заядлый тусовщик и ходячая катастрофа для семейного бизнеса. Как-то не вяжется с образом отчаявшегося романтика, ищущего любовь по книжным лавкам.

— Я всё объясню, — он вскидывает руки в защитном жесте. — Понимаешь, время шло. Срок предсказания подходил к концу, а свою Блэр я так и не встретил. Вчера я буквально прощался с жизнью! Ну и... решил оторваться напоследок. Уйти красиво.

— Сценарий — дрянь, персонажи картонные, диалоги ни к черту, — чеканю я, убирая телефон. — Мне надоела эта низкопробная ложь. Я ухожу.

Резко разворачиваюсь, собираюсь подать Ханне знак к отступлению, но мужская рука перехватывает мое запястье. Хватка твердая, но не грубая. От его пальцев исходит жар.

— Стой. Пожалуйста, стой, — голос Донатьена внезапно теряет всю свою бархатную спесь. В нем звучит настоящая паника. — Хорошо. Ты права. Я расскажу тебе правду.

Я выдергиваю запястье из его хватки, но остаюсь на месте. Скрещиваю руки на груди, всем своим видом давая понять, что счетчик включен.

— Валяй. У тебя ровно минута на чистосердечное.

И Донатьен ломается. С него слетает весь этот лоск самоуверенного плейбоя, плечи едва заметно опускаются, и передо мной предстает просто загнанный в угол парень в очень

дорогом костюме.

Он вываливает всё. Без театральных пауз и загадочных взглядов. Рассказывает про ультиматум отца-миллиардера, про угрозу потерять компанию и статус, про то, как в панике ляпнул про невесту по имени Блэр, и про грядущий семейный ужин, который должен стать либо его триумфом, либо эшафотом.

Пока он говорит, я слушаю шум прибоя и чувствую, как внутри меня кристаллизуется абсолютная, ледяная ясность.

Фиктивная помолвка? Афера с целью обмануть главу финансовой империи ради сохранения трастового фонда? В моих романах этот троп обычно ведет к искрящейся ненависти, перерастающей в страстный секс на капоте того самого «Роллс-Ройса». Но в реальности это пахнет газетным скандалом, исками и потраченными нервами.

Донатьен замолкает, тяжело дыша, словно этот монолог выжал из него все соки. Он смотрит на меня с отчаянной надеждой — ждет, что я сейчас проникнусь его бедой и соглашусь сыграть роль спасательного круга.

— Знаешь, что я вижу? — мой голос звучит пугающе ровно.

— Свой билет в богатую жизнь? — с нервной усмешкой предполагает он.

— Я вижу труса.

Усмешка мгновенно стирается с его идеального лица. Он вздрагивает, как от пощечины.

— Послушай... — начинает он, но я поднимаю руку, обрывая его.

— Нет, это ты послушай. Может быть, год назад я бы купилась на этот сценарий. — Я делаю шаг к нему, заглядывая прямо в растерянные синие глаза. — Год назад я бы с радостью напялила костюм спасительницы. Меня привлекали такие сюжеты: взять непутевого, сломанного мальчика, отмыть его от чужих грехов, помочь ему. Я думала, что любовь — это когда ты вытаскиваешь мужчину из дерьма, в которое он сам себя загнал.

Перед глазами на секунду вспыхивает имя Найлза на экране телефона, но я безжалостно давлю это воспоминание.

— Но теперь всё иначе, Донатьен. Я больше не ищу такие истории. И уж тем более не собираюсь в них жить. Меня тошнит от мужчин, которые прячутся от ответственности за женскими спинами. Ты сам заварил эту кашу своей ложью, сам и расхлебывай.

— Блэр, я заплачу тебе любую сумму... — его голос срыгается, теряя последние остатки гордости.

— Оставь свои деньги себе. Они тебе понадобятся, когда отец вышвырнет тебя на улицу.

Я резко отворачиваюсь от него. Ощущение такое, будто я только что сбросила с плеч тяжелый, пыльный рюкзак, который таскала за собой последние месяцы. Мне легко. Мне чертовски легко.

— Ханна! — громко зову я, перекрывая гул уличной тол-

пы.

Сестра недовольно отрывается от созерцания каменного профиля охранника и вопросительно смотрит на меня.

— Заканчивай флиртовать с Терминатором. Мы уходим. Прямо сейчас.

Разворачиваюсь и быстро шагаю прочь по набережной Монте-Карло, даже не оглядываясь на застывшего позади наследника империи, чье время только что окончательно истекло.

Устремляюсь вперед, почти переходя на бег. Соленый средиземноморский бриз бьет в лицо, но не остужает горящую кожу. Я хочу только одного — вернуться в отель, задвинуть шторы-блэкаут и стереть этот абсурд из памяти.

За спиной торопливо стучат шпильки. Ханна задыхается, пытаюсь угнаться за моим темпом.

— Блэр! Да стой же ты! — она хватается меня за локоть, вынуждая сбавить шаг. — Что он сказал? Почему мы сбегает, как с места преступления?

Я вырываю руку и продолжаю идти, лавируя между неспешными туристами.

— Потому что он лжец, Ханна. Обычный, избалованный деньгами лжец, которому нужна ширма для семейных разборок.

— И что? — сестра забегают вперед, заставляя меня остановиться. В ее глазах плещется искреннее непонимание, смешанное с паникой упущенной выгоды. — Блэр, умоляю,

не пори горячку! Ты хоть понимаешь, от чего сейчас отворачиваешься? Это же шанс один на миллион! Думаешь, я просто так вытащила нас в Монако? Я привезла тебя сюда именно за этим! Чтобы ты перестала чахнуть над своей клавиатурой и встретила кого-то из высшей лиги!

Меня буквально мутит от ее слов. К горлу подкатывает тошнота. Роскошные яхты на горизонте, сверкающие витрины бутиков, вся эта напускная позолота Монте-Карло вдруг кажутся мне липкой паутиной. Ханна видит здесь сказку, а я — капкан, в который уже попадалась.

Я молча обхожу ее и ускоряю шаг.

Мы врываемся в прохладный, пахнувший свежими лилиями холл нашего отеля. Кондиционированный воздух бьет по разгоряченным плечам. Я направляюсь напрямик к лифтам, яростно нажимая на кнопку вызова.

— Блэр, очнись! — Ханна всплескивает руками, не обращая внимания на вежливое недоумение консьержа. — Подумай о перспективах! Это же настоящий джек-пот!

Я резко разворачиваюсь. Металлические двери лифта с тихим шелестом разъезжаются за моей спиной, но я не спешу заходить. Я смотрю прямо в лицо сестре, чувствуя, как внутри пульсирует темная, тяжелая правда, выученная на собственных ошибках.

— Это Джек-потрошитель, Ханна, — чеканю я, понизив голос. — Такие мужчины не приносят выигрыш. Он вывернет твою душу наизнанку. Выжрет всё светлое и живое, что

в тебе есть, чтобы залатать собственные дыры, а когда насытится — просто вышвырнет. И оставит после себя такую глухую пустоту, которую не заполнят ни его миллионы, ни чертовы яхты.

Я делаю шаг в кабину лифта и нажимаю на кнопку нашего этажа.

— Я в такие игры больше не играю.

Двери лифта почти смыкаются, но в последнюю секунду между ними протискивается рука с идеальным французским маникюром. Ханна влетает в кабину, тяжело дыша.

— Какая же ты непрошибаемо упрямая, — выдыхает она, поправляя растрепавшиеся волосы.

— Это твоя цель запрыгнуть в шелковые простыни к миллиардеру. Не моя, — отрезаю я, глядя на меняющиеся цифры этажей.

Мы молча идем по коридору и заходим в номер. Я скидываю обувь, падаю на огромную кровать и упираюсь взглядом в идеальную лепнину на потолке.

Ханна замирает у панорамного окна.

— Мне нужно кое-что тебе рассказать, — наконец произносит она.

— Прямо сейчас? — не отрывая взгляда от потолка.

— Да. У меня гигантские долги по кредиткам.

Я резко сажусь. Кровать пружинит подо мной.

— Что? Ты же богата, Ханна.

Она нервно трет переносицу.

— Это иллюзия. Вся эта роскошная жизнь, которую я транслирую в блоге — просто ширма для поддержания статуса.

— О чем ты говоришь? — я хмурюсь, пытаюсь сложить пазл. — У тебя же свои курсы, твои запуски приносят миллионы долларов.

— Раньше — да, — горько усмехается сестра. — Но львиную долю сжирает команда, продюсеры, прогревщики. А сейчас... люди перестали скупать курсы у блогеров. Это не только моя проблема, это глобальный тренд. Рынок рушится.

— Может, аудитория просто поумнела и больше не хочет спонсировать твою красивую картинку? — язвительно бросаю я.

— Не знаю! — срывается она. — Но факт остается фактом. И, понимаешь... я уже физически не могу спуститься на уровень ниже. Я привыкла к этому. Поэтому моя единственная стратегия сейчас — найти состоятельного мужчину и закрыть эту финансовую дыру.

Я смотрю на нее так, словно вижу впервые. Кожа покрывается мурашками, несмотря на жару за окном.

— Я не верю своим ушам. Ты притащила меня в Монако, мы летели бизнес-классом, сняли этот люкс... Это же стоит космических денег. Ты по уши в долгах, но вместо того, чтобы остановиться, роешь себе могилу еще глубже?

— Я же говорю, у меня был план! — Ханна делает шаг ко мне, в ее глазах вспыхивает отчаянный блеск. — И он, мож-

но сказать, почти сработал. Я слышала ваш разговор. Этот парень предлагал тебе назвать любую сумму. Блэр, ты можешь помочь ему решить его проблему, а заодно — решить мою!

Внутри меня что-то с треском обрывается. Холодная ярость вытесняет остатки родственного сочувствия.

— С какой стати я должна спасать людей, которые хронически не способны нести ответственность за собственные поступки? — чеканю я каждое слово. — Ты меня использовала. Я бы в жизни не согласилась на эту поездку, знай я правду о твоих финансах.

— Прости, — она опускает плечи, но в этом жесте нет ни капли искреннего раскаяния, только сожаление о сорвавшейся сделке.

Я медленно встаю с кровати, расправляя плечи.

— Знаешь что? Я выберусь из своего кризиса. Напишу новую книгу, заработаю и переведу тебе каждый цент за свой билет и этот номер. Но свои остальные проблемы ты будешь разгребать сама. А подкладывать родную сестру под первого встречного с тугим кошельком ради закрытия кредиток... Ищи другой способ оплатить свои счета, Ханна.

Воздух в номере кажется отравленным. Смесь отельного парфюма и неприкрытой корысти душит меня, оседая горьким привкусом на языке.

— Мне нужно пройтись. Подышать воздухом, — бросаю я, направляясь к дверям.

Ханна открывает рот, чтобы выдать очередную порцию оправданий, но я обрываю ее резким жестом:

— Завтра я улетаю обратно. Одна или с тобой — решай сама.

Я захлопываю дверь, отрезая себя от ее возмущенного вздоха.

Зеркальные стены лифта безжалостно отражают мое бледное, напряженное лицо. Я чувствую себя так, словно только что выбралась из-под обломков рухнувшего здания. Моя собственная сестра пыталась продать меня, чтобы оплатить иллюзию своей успешности. От этого факта внутри всё сжимается в тугую, болезненный ком.

Створки бесшумно разъезжаются, выпуская меня в просторный холл. Здесь царит прохлада, пахнет белыми орхидеями, а где-то в глубине бара ненавязчиво играет рояль. Я делаю несколько быстрых шагов к вращающимся стеклянным дверям, мечтая поскорее оказаться на улице, как вдруг замираю.

В глубоком кресле цвета темного шоколада, небрежно закинув ногу на ногу, сидит Донатьен.

Он методично сканирует пространство лобби. И когда наши взгляды пересекаются, я понимаю — он ждал именно меня.

Мужчина мгновенно поднимается и направляется прямо ко мне, разрезая пространство холла с такой уверенностью, будто владеет не только этим отелем, но и всем побережьем.

Я не отступаю, выстраивая невидимую баррикаду.
— Ты ещё здесь?

Глава 4

Донатьен

— Ты ещё здесь? — шипит она, сверля меня взглядом, в котором плещется чистая ненависть.

Я едва сдерживаю усмешку. Конечно, я здесь. Особенно после того, как пять минут назад мой телефон завибрировал от сообщения службы безопасности. У идеальной сестрички-блогерши, оказывается, кредитный рейтинг летит в пропасть, а долги превышают стоимость моего автопарка. Какая удача. Карты сами ложатся мне в руки.

— Конечно, куда я могу деться от своей суженой и по совместительству спасительницы, — парирую я, делая шаг к ней.

Блэр закатывает глаза так сильно, что я удивляюсь, как она не теряет равновесие.

— Мне нужно побыть одной.

Она разворачивается и стремительно направляется к выходу. Я не отстаю.

— Конечно, я просто пройду с тобой. В качестве молчаливой тени.

Мы выходим из прохлады отеля в душный вечер Монте-Карло. Солнце уже цепляется за крыши казино, окрашивая небо в тревожный багровый цвет. Часики тикают. До ужина с отцом остаются считанные часы, а моя невеста упря-

мо шагает в сторону набережной, глядя строго перед собой.

— Поссорились с сестрой? — бросаю я пробный камень.

Блэр молчит, лишь острее вычерчивается линия её челюсти. Ладно, игры в психологию закончились. Пора переходить к делу, пока она не купила билет на первый попавшийся рейс.

— У твоей сестры долги, — констатирую я ровным тоном.

Эффект моментальный. Блэр резко тормозит, едва не подворачивая ногу, и оборачивается. В её расширенных глазах — шок, смешанный с испугом.

— Откуда ты узнал? Ты что, прослушивал нас? — её голос полон возмущения.

— Нет. Я просто попросил охрану пробить тебя с сестрой. Обычная проверка биографии.

— Что?! — она задыхается, словно я окатил её ледяной водой.

— А что такого? — я пожимаю плечами, засовывая руки в карманы брюк. — Ты гуглила грязные новости про меня прямо передо мной. Я решил нарыть что-нибудь на вас. Мы квиты.

— Если бы ты не вёл такую жизнь, никаких грязных новостей о тебе бы не было! — выплевывает она.

— Все мы не без греха, Блэр. Но поверь моему опыту: это желтая пресса. Стервятники. Они всегда наруют на тебя чернуху, переврут факты, даже если ты святой.

— Ну и что? — она скрещивает руки на груди, прини-

мая оборонительную позу. — Ты думаешь, раз у моей сестры долги, так я побегу в постель к толстому кошельку, лишь бы закрыть их?

Я невольно усмехаюсь. В ней столько искренней ярости, что это даже забавляет.

— Сбавь обороты. Тебе никто не предлагает лечь со мной в постель. Туда, вообще-то, не так просто попасть.

— Да? — она язвительно выгибает бровь. — А сводки новостей говорят об обратном.

— Я же сказал: не верь прессе, — делаю шаг ближе, заставляя её запрокинуть голову, чтобы смотреть мне в глаза. — Я не предлагаю тебе спать со мной. Это простой контракт. Бизнес-сделка. Ты спасаешь мою шкуру сегодня вечером, а за это получаешь чек с любой суммой, которая решит проблемы твоей сестры, и возможность всю жизнь кататься в сливках общества. Ты имеешь полную неприкосновенность личной жизни. Можешь жить где хочешь, встречаться с кем хочешь. Я не ревнивый, поверь.

Блэр нервно сглатывает. Я вижу, как в её голове крутятся шестеренки. Она ищет подвох.

— Что ты так прицепился именно ко мне? — её голос звучит уже менее уверенно, но всё так же упрямо. — Неужели с твоими деньгами ты не мог найти элитный эскорт? Ну или нанять актрису, чтобы она отыграла эту роль?

Я тяжело вздыхаю и отворачиваюсь к морю.

— Всё не так просто. Ты не знаешь моего отца, Блэр. Он

не просто так стал миллиардером. Он акула. Он чувствует ложь за милю. Эскортница оставит цифровой след, актриса переигрывает. Он сожрет их на закуску и даже не подавится. Ему нужна настоящая девушка. Такая... — я обвожу её взглядом, от растрепанных волос до стоптанных кроссовок, — такая как ты. Обычная. Неидеальная. Которая может искренне злиться и спорить. Если он раскроет обман... будет очень плохо. Для меня.

Я снова смотрю на неё. Она стоит неподвижно, переваривая информацию.

— И это должно мотивировать меня помогать тебе? — наконец произносит она, вздернув подбородок.

— Тебя должно мотивировать не это, — спокойно отвечаю я. Шагаю ближе, вторгаясь в её личное пространство, но ровно настолько, чтобы показать серьёзность намерений. — Тебя должен мотивировать тот факт, что карточный домик твоей сестры вот-вот рухнет.

Блэр напрягается, её плечи каменеют.

— У Ханны просрочки по четырём кредиткам на сумму, от которой ей светит суд, изъятие имущества и полный крах её фальшивого образа. А ты, как любящая сестра, пойдёшь ко дну вместе с ней, пытаясь её вытащить.

Она инстинктивно бросает быстрый, тревожный взгляд в сторону.

— Я закрою все её долги, — бью я точно в цель. — До последнего цента. Более того, я заплачу тебе. Сумму, кото-

рую ты осмелишься назвать.

Я делаю паузу, давая цифрам и перспективам осесть в её голове.

— Это бизнес, Блэр. Взаимовыгодный контракт. Ты спасаешь мою шкуру перед отцом, я обеспечиваю финансовую безопасность твоей семье. Никакой романтики. Только сухой расчет.

Я вижу, как в её глазах борются уязвленная гордость и холодный здравый смысл. Она ненавидит меня в эту секунду. Ненавидит то, как легко я препарировал их с сестрой жизнь. Но она умна. Она понимает, что чудес не бывает, а банковские коллекторы не читают любовных романов со счастливым концом.

Она инстинктивно стреляет глазами в сторону. Ага. Броня дала трещину. Но упрямая девочка все еще пытается держать лицо.

— Все равно нет! — Блэр вздергивает подбородок, пытаюсь прожечь во мне дыру взглядом. — Я не буду участвовать в твоих аферах!

Я невольно усмехаюсь. Какая восхитительная, незамутненная наивность.

— Ты, золотце, кажется, вообще не догоняешь масштаб катастрофы.

Достаю из кармана телефон, в пару тапов открываю отчет от своих безопасников и разворачиваю экран прямо к ее лицу.

— Любуйся. И это только тело долга, без учета пени, которая капает каждый день. Посчитай нули, Блэр.

Она смотрит. Моргает. Раз. Другой. И вдруг вся краска разом стекает с ее лица, оставляя пугающую, алебастровую бледность. Губы приоткрываются, и она начинает жадно, судорожно глотать воздух, словно выброшенная на берег рыба.

— Эй, — я слегка хмурюсь, убирая телефон. — Ты чего?

— Я... я... — она сбивчиво дышит и вяло машет ладошкой возле своего лица. — Что-то тут... слишком душно.

Ее глаза вдруг закатываются, и она просто выключается. Оседает вниз, как тряпичная кукла, у которой перерезали ниточки.

Я реагирую на чистых рефлексах. Бросаюсь вперед и перехватываю ее за секунду до того, как она встретится с твердой поверхностью.

Черт.

Она оказывается неожиданно легкой. Хрупкой до одури. Мои руки смыкаются на ее талии, и меня внезапно накрывает странным, совершенно нелогичным чувством. От нее пахнет чем-то поразительно уютным. Я прижимаю ее к себе чуть крепче, чем требует ситуация, и где-то под ребрами вдруг шевелится глухое желание засунуть эту ненормальную девчонку за пазуху и спрятать от всех ее проблем. От долгов сестры, от всего мира.

Так, Донатьен, стоп. Отставить лирику. Этого мне еще не

хватало.

— Блэр? — зову я, но она в глубоком ауте.

Резко поднимаю голову и ловлю взгляд Грега. Мой охранник, карауливший нас неподалеку, уже срыгается с места.

— Дверь открой, — бросаю я ему, легко подхватывая Блэр на руки. — Давай в машину ее, живо, под кондиционер.

Я даже не думаю передать ее Грегу. Сам несу к внедорожнику, чувствуя, как безвольно покачивается ее голова на моем плече. Аккуратно укладываю ее на прохладную кожу заднего сиденья.

— Блэр. Ну же, возвращайся, — я слегка похлопываю ее по щекам. Кожа у нее мягкая, шелковистая, контрастно холодная.

Секунда. Вторая. Она не приходит в себя, и внутри меня вдруг вспыхивает совершенно незнакомая, колючая паника. Черт возьми, я сейчас сам повезу ее в клинику.

— Блэр, мать твою, открой глаза, — я склоняюсь ближе, почти касаясь губами ее виска, и уже готов рявкнуть Грегу, чтобы заводил мотор.

Но тут ее ресницы вздрагивают. Она слабо морщится, приходя в себя. Я тут же откручиваю крышку с бутылки и подношу ледяную воду к ее губам.

— Наконец-то! — я с облегчением выдыхаю, чувствуя, как отпускает невидимая пружина в груди.

Блэр смотрит на меня мутным, расфокусированным взглядом. Хлопает ресницами.

— Что... что случилось? — бормочет она, слабо шевеля губами. — Где я?

А затем ее взгляд проясняется. Она фокусируется на моем лице, потом переводит глаза на тонированные стекла внедорожника, на кожаный салон, и в ее голове, видимо, складывается пазл. Причем совершенно неправильный.

— О боже! — она резко дергается, вжимаясь в спинку сиденья. — Вы меня похитили!

Она начинает отбиваться, молотя руками в воздухе с грацией и яростью загнанного в угол хомьяка.

— Тихо, тихо, воительница, — я невольно усмехаюсь и легко перехватываю ее запястья. Тонкие, хрупкие — сломать страшно. — Никто тебя не похищал. Кому нужны твои органы? Успокойся и посмотри в окно.

Она замирает, тяжело дыша, но все еще смотрит на меня с подозрением. Потом осторожно косит глаз на стекло.

— Мы стоим у твоего же отеля, — спокойно поясняю я, не выпуская ее рук. — Ты просто очень эффектно упала в обморок ровно в тот момент, когда я показал тебе сумму долгов твоей сестры.

Блэр перестает вырываться. Вся ее боевая готовность сдувается за секунду. В глазах мелькает осознание, а за ним — чистый, неподдельный ужас.

— Так... — ее голос дрожит. — Так это был не сон? Цифры... они настоящие?

Я отпускаю ее запястья, но взгляд не отвожу. Наоборот,

смотрю прямо в душу, чтобы до нее дошло каждое мое слово.

— Нет, золотце. Не сон. Абсолютная реальность, — я откидываюсь на спинку сиденья, возвращая себе привычную расслабленность. — Теперь ты понимаешь, почему тебе лучше перестать играть в гордость и согласиться на мое предложение? Твоя сестра сама не выберется из этой ямы никогда. Она будет копать ее до самой пенсии. А для меня эта сумма — не проблема.

В салоне повисает тишина. Слышно только, как тихо и ровно гудит кондиционер.

Я наблюдаю, как в ее голове крутятся шестеренки. Как паника медленно, но верно отступает, уступая место холодному рассудку. Блэр выпрямляется. Поправляет волосы, одергивает футболку, словно собирая себя по частям. И когда она снова смотрит на меня, в ее глазах больше нет ни страха, ни растерянности. Только острый, прагматичный расчет.

— Ну, допустим, — медленно произносит она, чуть прищурившись. — Представим, что я согласилась. Что дальше? Что конкретно я должна сделать?

«Допустим». Какое сладкое слово. Рыбка заглотила наживку. Я прячу торжествующую ухмылку и перехожу на сухой, деловой тон — язык, который понимаю лучше всего.

— Мы едем на ужин к моему отцу. Я представляю тебя как свою любимую девушку. Женщину, на которой твердо намерен жениться.

Я делаю паузу, позволяя ей осознать масштаб предстоящей катастрофы.

— Скорее всего, старик придет в бешенство. Он будет категорически против того, чтобы наследник империи связал жизнь с... — я на секунду замолкаю, подбирая нейтральное слово.

— С нищевродкой? — любезно подсказывает Блэр.

— С девушкой не из нашего круга, — поправляю я. — Но именно это мне и нужно. Его снобизм сыграет нам на руку. Он будет так увлечен твоим происхождением и отсутствием родословной, что не станет копаться в деталях нашего романа. Это идеальный отвлекающий маневр.

— А что мне говорить-то?

— Нам нужна легенда. История нашей любви. Искренняя, романтическая. Как мы случайно столкнулись, как скрывали наши чувства от прессы и моего деспотичного отца... Совместные фотографии сгенерируем в нейросети по дороге, мои пиарщики всё склеят за полчаса. Никто не отличит от настоящих.

Блэр фыркает, качая головой.

— Нейросети. Пиарщики. Вы, богачи, вообще хоть что-то делаете сами?

Я усмехаюсь. Обожаю, когда она огрызается. В ней столько колючей энергии, что моего отца сегодня вечером точно хватит удар. Идеальный расклад.

— Мы делегируем рутину, золотце, — парирую я, лег-

ко постукивая пальцами по кожаному подлокотнику. — Но вот томно смотреть друг другу в глаза, держаться за ручки и изображать неземную страсть нам придется самим. Пиар-щики за нас не поцелуются.

Она выразительно закатывает глаза, но я замечаю, как на ее щеках проступает легкий румянец. Отлично. Кровь прилила к лицу, значит, второй акт с обмороком окончательно отменяется.

— Итак, легенда, — я подаюсь чуть вперед, намеренно вторгаясь в её личное пространство. — Как мы познакомились? Банальное столкновение с пролитым кофе отмечаем сразу — это пошло.

— К тому же, я бы никогда не стала переводить хороший кофе на твой пиджак, — парирует Блэр, вздернув подбородок.

Она хороша.

— Вот! Именно эта дерзость меня и покорила, — я с удовольствием щелкаю пальцами. — Запомни эту интонацию, она нам пригодится. Но нам нужна полная легенда.

Я наблюдаю за тем, как она переваривает информацию. Блэр задумчиво жуёт нижнюю губу, а затем в её глазах вдруг вспыхивает совершенно нездоровый, фанатичный блеск. Я знаю этот взгляд. Обычно с таким выражением лица люди решают прыгнуть с парашютом без инструктора.

— Я придумала! — она даже подпрыгивает на кожаном сиденье, напрочь забыв про свой недавний обморок. — На-

ша легенда. Она уже написана! Идеальная, до боли романтическая, с нужным градусом драмы.

— Звучит как диагноз, — осторожно замечаю я. — И кто же автор этого шедевра?

— Сьюзен... не помню фамилию. Роман называется «Неповторимая любовь», — Блэр произносит это с таким придыханием, будто мы говорим о потерянных трудах Аристотеля. — Нам срочно нужен книжный магазин!

Я с легким шоком смотрю на эту внезапно ожившую катастрофу.

— Опять? — я выразительно выгибаю бровь. — Блэр, у нас времени в обрез. Какая к черту книжка? Пиарщики всё придумают...

— Твои пиарщики придумают стерильную корпоративную чушь, в которую никто не поверит! — перебивает она, бесстрашно тыча в меня пальцем. — А там — готовая инструкция. Взгляды, случайные касания, диалоги. Ты же хочешь безупречную легенду? Чтобы твой отец ничего не заподозрил?

— Допустим, — повторяю я её же недавнее слово, чувствуя подвох.

— Значит так, — она складывает руки на груди с видом сурового полководца. — Ты будешь читать этот роман. И конспектировать!

Повисает пауза. Я моргаю. Один раз. Второй.

— Я? Читать любовный роман? — я не выдерживаю и из-

даю короткий, саркастичный смешок, откидывая голову на подголовник. — Блэр, ты ударилась головой, когда падала в обморок? До ужина меньше трех часов. У меня нет времени на сопливые сказки.

— Значит, ради империи придется пожертвовать парой часов своего драгоценного времени, — невозмутимо парирует она. — Или читай, или иди на ужин один. И скажи папочке, что твоя невеста сбежала с цирком-шапито. Выбор за тобой.

Я стискиваю зубы. Шантажистка. Маленькая, наглая шантажистка с глазами Бэмби и хваткой питбуля.

Стучу костяшками пальцев по тонированному стеклу, отделяющему нас от водителя. Перегородка бесшумно опускается.

— Грег, — цежу я сквозь зубы в сторону перегородки. — Сначала книжный, потом бутики. Едем на шоппинг.

Стекло поднимается обратно, и внедорожник плавно вливается в городской поток. Блэр тут же напрягается, снова вцепившись в кресло.

— И зачем нам в бутик? — она подозрительно щурится, сканируя мое лицо.

Я окидываю её медленным, оценивающим взглядом.

— Ты же не думаешь, что я повезу тебя к отцу в этом?

Я выразительно киваю на её симпатичную, но абсолютно повседневную одежду. Блэр возмущенно ахает и инстинктивно прикрывает грудь руками.

— А что не так с моей одеждой?!

— Для поездки в метро — всё идеально, — успокаиваю её я. — Но для ужина с моим отцом нам нужно платье, которое с порога заявит моему старику: «Да, у меня нет родословной, но я стою дороже всего твоего антиквариата вместе взятого». У нас ровно два часа, чтобы превратить тебя в бриллиант, от которого он ослепнет от злости. Готова?

— Подожди, — Блэр снова вскидывает руку. — Нам нужно заехать за Ханной.

— За твоей сестрой? — я устало массирую переносицу. — Зачем она нам?

— Потому что у нее безупречный вкус, мне нужна моральная поддержка, и вообще, она должна убедиться, что меня не расчленили, — отчеканивает Блэр, складывая руки на груди. — Иначе она поднимет панику и вызовет полицию. Нам нужны проблемы с копами до ужина с твоим отцом?

Я тяжело вздыхаю. Мой идеально спланированный график летит к чертям, превращаясь в какой-то женский ситком.

— Грег. Книжный. Потом за сестрой. Потом бутики.

Откидываюсь на спинку мягкого кресла в бутике, закидываю ногу на ногу и смотрю, как Ханна тащит Блэр в лабиринт примерочных.

Консультанты порхают вокруг них на цыпочках, поднося бокалы с шампанским и платья. Ханна, оказавшись в сво-

ей естественной среде обитания, щебечет что-то про шелк, вырезы и цветотипы. Блэр выглядит так, словно ее ведут на эшафот, но покорно скрывается за тяжелой бархатной шторой.

Чувствую, как у меня начинает дергаться левый глаз.

Грег устраивается рядом на пуфике, который жалобно скрипит и проседает под его весом. Мой начальник службы безопасности. Двухметровый, покрытый шрамами шкаф с габаритами бронетранспортера и лицом человека, который завтракает битым стеклом.

В его гигантских, похожих на совковые лопаты ладонях зажата эта проклятая книжонка в мягкой обложке — «Неповторимая любовь». На обложке какой-то полуголый хмырь с кубиками пресса жадно сжимает в объятиях томную девушку на фоне тропического заката.

— Читай, — обреченно командую я. — С выражением. И выделяй главное. Нам нужна суть их знакомства, чтобы я мог пересказать это отцу, не поперхнувшись.

Грег прочищает горло. Звук такой, будто в камнедробилку попал мешок с гравием.

— Глава первая, босс, — басит Грег своим замогильным голосом. — Цитирую: «Его глаза были цвета грозового неба, а от запаха его парфюма с нотками сандала и дикой опасности у нее подкосились ноги».

Я давлюсь кофе.

— Пропусти эту графоманскую чушь. Давай к фактам.

Как они, черт возьми, встретились?

Грег хмурится. Его толстый палец с трудом подцепляет и переворачивает тонкую страницу.

— Так точно. Эм... Перехожу к фактам. «Она уронила папку с важными контрактами прямо в лужу, а он вышел из своего Майбаха и, не обращая внимания на дорогие итальянские туфли, опустился на колени, чтобы помочь ей собрать мокрые листы».

— Серьезно? — я саркастично фыркаю. — Я бы уволил ее за порчу документов на месте. Дальше.

— «Их руки соприкоснулись, — монотонно чеканит Грег, словно зачитывает протокол с места преступления. — И словно разряд в тысячу вольт пронзил их обоих. Он посмотрел на ее трепещущие ресницы и понял, что эта дерзкая девчонка станет его погибелью».

— Господи, за что мне это... — я откидываю голову назад, глядя в хрустальную люстру на потолке. — Грег, скажи мне, что там есть хоть что-то адекватное. Хоть одна зацепка для нашей легенды, которая не звучит так, будто мы сбежали из дурдома.

— Никак нет, босс, — невозмутимо рапортует Грег, перелистывая еще страницу. — Дальше Себастьян зажимает ее в углу лифта, бьет кулаком в стену над ее головой и рычит, что она принадлежит ему. Будем брать этот маневр в разработку?

Я закрываю лицо руками, чувствуя, как истеричный и аб-

солютно неуместный смех рвется наружу.

— Нет, Грег. Ищи дальше.

Из-за бархатной шторы примерочной доносится приглушенный голос Блэр:

— Я похожа в этом на упакованную в фольгу сосиску! Ханна, сними это с меня немедленно!

Я убираю руки от лица и усмехаюсь.

— Читай, Грег, — говорю я, глядя на колышущуюся штору примерочной.

— «Его глаза потемнели от животной страсти, — монотонно чеканит Грег, словно зачитывает протокол с места убийства. — Он зажал ее в углу тесной подсобки, сверкнув золотым браслетом своего тяжелого "Ролекса", и прорычал, что она не уйдет, пока не признает, что принадлежит ему».

— Стоп. Хватит, — я поднимаю руку, чувствуя, как мозг плавится от этого абсурда. — Он загоняет ее в угол в подсобке? Seriously? За это светит иск о домогательствах на пару миллионов и отмена в прессе еще до заката! И при чем тут его часы? Зачем автор упоминает «Ролекс», когда он лапает её?

Грег невозмутимо пожимает плечами.

— Так написано в документе, босс. То есть, в тексте. Читать дальше? Там он рвет на ней блузку.

— И что, девчонки на самом деле на такое ведутся? — спрашиваю я в пустоту, откидываясь на спинку пуфа. — На агрессивного психопата с комплексом бога, который не уме-

ет контролировать свои импульсы в общественных местах?

Из примерочной доносится приглушенный, восторженный визг.

— Женская психология — вне моей юрисдикции, — бацит Грег. — Но судя по тиражу, указанному на обороте, ведутся. Сто тысяч экземпляров.

— Мой отец консерватор. Если я скажу ему, что зажал свою невесту в подсобке и порвал на ней одежду, он лишит меня наследства и вызовет санитаров. Ищи что-то нормальное. Полистай дальше. Там есть хоть одна сцена, где они ведут себя как адекватные люди, а не как озабоченные бабуины?

Я качаю головой. Моя жизнь — это графики, сделки слияния, жесткие переговоры и холодный расчет. А сейчас мне нужно убедить отца, что я превратился в Себастьяна Блэка.

— Ладно, — обреченно выдыхаю я. — Нам нужно выучить их «историю знакомства». Как этот Себастьян вообще с ней пересекся?

Грег слюнявит палец-сардельку и перелистывает сразу половину книги.

— Так... Глава пятнадцатая. Выставка современного искусства. Благотворительный вечер.

— Уже лучше. Звучит как мое естественное место обитания, — я слегка расслабляюсь. — Что там?

— Он собирается купить картину. Цитата: «холст, выражающий экзистенциальную тоску художника через призму

неоэкспрессионизма». За два миллиона. А она подходит к нему с бокалом шампанского и... — Грег шуруется, вчитываясь в мелкий шрифт. — Громко заявляет, что у него отвратительный вкус, а картина похожа на рвоту единорога.

— Рвоту единорога? — я невольно усмехаюсь. А вот это уже звучит в духе Блэр. Вспоминаю, как она отчитывала меня в моей же машине полчаса назад, совершенно не смущаясь разницы в нашем положении. — И как реагирует наш альфа-самец с «Ролексом»?

— «Он был сражен ее прямолинейностью, — басит Грег. — Никто и никогда не смел перечить ему. Ее дерзость стала тем самым крючком, который пробил его ледяное сердце».

Я удовлетворенно киваю, ставя чашку на столик.

— Идеально. Бинго. Мы берем это. Мы встретились на выставке современного искусства. Я собирался купить какую-то бездарную мазню за пару миллионов, а Блэр подошла и заявила, что у меня отвратительный вкус, а картина — это рвота единорога. И я был сражен её искренностью. Отец это проглотит. Он сам считает современное искусство легальным способом отмывания денег.

Из-за тяжелой бархатной шторы примерочной доносится приглушенный, но очень выразительный голос Блэр:

— Ханна, если ты сейчас же не расстегнешь эту молнию, я перестану дышать и умру прямо в этом шедевре! И Донатьену придется тащить на ужин мой красивый труп!

Я прячу улыбку, потирая подбородок.

— Запомни эту легенду, Грег. Кажется, с прямолинейностью и дерзостью нам даже не придется ничего играть.

Дверь примерочной с тихим шуршанием отъезжает в сторону. Блэр делает неуверенный шаг в зал.

Бежевый шелк облегает её фигуру, плавно спускаясь к полу и безжалостно обнажая плечи. Ткань обрисовывает такие линии и изгибы, о существовании которых я даже не подозревал, пока она пряталась в своем мешковатом денеме. Внутри что-то дергается — короткий, первобытный импульс, который я тут же давлю на корню.

Она нервно одергивает край лифа.

— Ну как?

— Никак, — бросаю я, откидываясь на спинку бархатного дивана. — Слишком пресно. Ты должна выглядеть как женщина, ради которой я готов пойти против воли отца, а не как подружка невесты на скучной свадьбе. Снимай.

Ханна с энтузиазмом утаскивает её обратно за портьеру. Грег, сидящий в кресле напротив, прочищает горло и своим монотонным басом вышибалы продолжает пытку.

— «...Себастьян склонился к ней, его губы почти касались её уха. Он прошептал слова, изменившие всё: "Я выбираю тебя. Каждый день, каждую секунду — выбираю тебя"...»

Я тру переносицу. От этого ванильного бреда у меня уже сводит зубы, а веки наливаются свинцом.

Спустя вечность штора снова отлетает в сторону.

Изумрудный шелк. Глубокий, но элегантный вырез. Этот

цвет вытягивает из её глаз какую-то ведьминскую зелень, делая их невероятно яркими. Я на секунду забываю, как дышать, и просто смотрю на контраст её бледной кожи и темной ткани.

— А это? — спрашивает она, чуть вздернув подбородок.

— Оставляем, — отвечаю сухо. — Но меряйте дальше. Нам нужен гардероб, а не один выход.

Грег бубнит дальше. Я почти проваливаюсь в спасительный сон, когда он доходит до сцены, где этот чертов Себастьян признаётся Сирене в любви под проклятым звёздным небом.

Когда пытка наконец заканчивается, девушки выходят с горой вещей.

Она останавливается прямо передо мной, скрестив руки на груди. В глазах горит колючий, азартный огонек.

— Итак, — чеканит она. — Экзамен. Что ты запомнил из сюжета?

Я тяжело поднимаюсь с дивана, привычно возвышаясь над ней.

— Какой-то хлыщ по имени Себастьян зажал девицу в подсобке. Потом они трагично влюбились. Он богатый, она бедная. Стандартная схема.

Блэр закатывает глаза.

— Это всё?

— А что я упустил? Технические детали их соития?

— Чувства, Донатьен. Эмоции! — Она делает шаг на-

встречу.

До меня долетает запах её кожи — горьковатый цитрус и что-то теплое, настоящее, живое. Никакого тяжелого люксового парфюма, которым здесь пропахло всё вокруг.

— Твой отец не купится на сухую сводку новостей, — продолжает она, глядя мне прямо в глаза. — Если ты будешь пересказывать нашу "историю" с таким лицом, он раскусит нас до того, как подадут закуски.

— И что ты предлагаешь? — усмехаюсь я.

— Ты должен рассказать, что почувствовал, когда впервые меня увидел. Как в книге. — Её взгляд вонзается в меня с требовательной дерзостью. — Давай. Опиши это. Прямо сейчас.

Я кошусь на Грегга, который с трудом прячет ухмылку за обложкой с полуголым мачо, и на затаившую дыхание Ханну, которая, кажется, уже мысленно продала права на экранизацию этой сцены.

— Серьезно? Устроим театральный кружок прямо в бутике?

— Прямо здесь. Это репетиция, — отрезает Блэр. — Или мы играем по моим правилам, или я умываю руки, и ты идешь на ужин с Грегом. Уверена, в этом платье он будет неотразим.

Я сжимаю челюсти, пропуская пальцы сквозь волосы.

Спокойно. Это ради наследства. Ради контроля над компанией. Это просто слова. Я заключал сделки на сотни мил-

лионов, я могу сыграть влюбленного идиота перед девчонкой.

Я делаю полшага к ней. Расстояние между нами сокращается до минимума.

— Хорошо, — мой голос звучит ниже. Я не отрываю взгляда от её глаз. — Выставка. Вокруг толпа снобов с бокалами, обсуждающих мазки кисти, в которых они ничего не смыслят. Мне скучно. Я стою перед этой уродливой картиной и думаю, как бы поскорее сбежать.

Блэр чуть приподнимает подбородок, не отступая ни на миллиметр.

— И тут появляешься ты, — продолжаю я, чувствуя, как слова сами срываются с языка. — Дерзкая. Злая. Заявляешь, что у меня отвратительный вкус. Я подумал, что это какая-то ошибка в матрице.

Я медленно поднимаю руку и *почти* касаюсь её плеча, но в последний момент лишь провожу пальцами по воздуху рядом с шелком платья. Блэр едва заметно вздрагивает.

— И что ты почувствовал? — спрашивает она.

— Что кто-то наконец-то открыл окно в наглухо запертой, душной комнате, — произношу я, сам удивляясь тому, насколько искренне это звучит. — Я смотрел на тебя и понимал: все эти идеальные, покладистые, вышколенные женщины вокруг — просто пластиковые манекены. А ты — живая. Опасная. Настоящая. И в ту секунду, когда ты назвала картину рвотой единорога...

Зрачки Блэр расширяются, затапливая радужку темнотой.

— Я посмотрел на тебя и понял: вот она. Заноза, которую я не смогу вытащить. Та, кто не будет заглядывать мне в рот и соглашаться с каждым словом. — Я скольжу взглядом по линии её челюсти, по приоткрытым губам, и слова срываются с языка быстрее, чем мозг успевает их отфильтровать. — И когда ты посмотрела на меня... с таким откровенным, искренним вызовом... я почувствовал то, чего не испытывал годами.

Я замолкаю.

— Что? — выдыхает она почти беззвучно.

— Голод, — роняю я.

В бутике повисает тишина. Где-то на фоне слышно, как тяжело дышит Грег. Ханна прижимает руки к груди.

Блэр смотрит на меня широко раскрытыми глазами. Её губы чуть приоткрыты, а на щеках проступает легкий румянец. На секунду мне кажется, что она забыла, как дышать. Мне нравится эта реакция. Я только что залез ей под кожу.

И, черт возьми, самому себе тоже.

— Ну как? — я отступаю на шаг, мгновенно возвращая себе невозмутимый вид и разрушая магию момента. — Достаточно соплей для твоего экзамена, или мне нужно было еще упасть на одно колено и пустить слезу?

Раздается одиночный, звонкий хлопок. Затем еще один. Ханна.

— Твою мать... — выдыхает сестра Блэр, обмахивая лицо

ладонью. — Оскара этому господину. Я сейчас сама в тебя чуть не влюбилась.

Наваждение лопается с треском.

Блэр моргает, словно сбрасывая оцепенение, и торопливо прочищает горло.

— Для первого раза... сойдет, — бормочет она, нервно поправляя идеальный вырез платья. — Но над искренностью еще поработаем.

Она резко разворачивается и скрывается за шторой примерочной.

Я засовываю руки в карманы брюк, чтобы скрыть, как слегка потряхивает.

— Босс, — басит Грег с пуфика. — Я почти расплакался.

— Заткнись, Грег, — бросаю я, хотя уголки моих губ сами ползут вверх. — Собирай пакеты. Мы выдвигаемся.

Через пару минут Блэр выныривает из-за шторы. Она старательно избегает моего взгляда, делая вид, что очень увлечена застегиванием сумочки.

— Ну всё? — спрашивает она с преувеличенной бодростью. — Экзекуция окончена? Я могу идти морально готовиться к ужину с дядько... то есть, с твоим уважаемым отцом?

— Почти, — я небрежно поправляю манжеты рубашки. — У нас еще один пит-стоп. Желательно уложиться в полчаса.

Она замирает, прищурившись с таким подозрением, будто я только что предложил ей ограбить казино.

— Какой еще пит-стоп? Мы купили платье, туфли и су-

мочку, в которую не влезет даже мой телефон. Что еще?

— Нам нужно выбрать кольцо.

Блэр давится воздухом. Выражение ее лица бесценно. Чистая, незамутненная паника пополам с искренним возмущением.

— Кольцо?!

Она произносит это с такой интонацией, будто я предложил ей выбрать гроб из красного дерева.

— А ты как думала? — я снисходительно хмыкаю, делая шаг к выходу. — Отец поверит в реальность невесты, если я ей даже кольцо на палец не надел? Он должен видеть всю серьезность моих намерений. Что это не блеф.

— Но... — Блэр семенит за мной, пытаюсь не отставать от моего широкого шага. — Мы же можем просто сказать, что мы против кровавых алмазов и за осознанное потребление!

— Мой отец — человек старой закалки, Блэр. Для него отсутствие кольца с бриллиантом размером с перепелиное яйцо означает только одно: я либо жмот, либо врун. И поверь, быть вруном в его глазах гораздо опаснее.

Мы выходим из бутика на улицу. Грег, нагруженный пакетами так, что напоминает навьюченного дизайнерского мула, тяжело сопит позади.

— Я не буду носить булыжник, который перевешивает меня на левую сторону! — шипит Блэр, пока я открываю перед ней дверцу машины. — У меня начнется сколиоз!

— Придется подкачать левую руку, дорогая, — лучезарно

улыбаюсь я, захлопывая за ней дверь.

Я обхожу машину, чувствуя себя на удивление бодро. План работает. Девчонка оказалась с мозгами, искра между нами определенно есть (исключительно для убедительности легенды, разумеется), а значит, ужин пройдет как по маслу.

Глава 5

Блэр

В салоне тихо, если не считать приглушенного шуршания шин по асфальту. Я искоса поглядываю на расслабленный профиль Донатьена и чувствую, как по спине ползет неприятный холодок, не имеющий ничего общего с климат-контролем.

Я все еще прокручиваю в голове ту сцену в бутике. То, как у него изменился голос. Как потемнели глаза, когда он описывал свою «искру». Он говорил так чертовски натурально, с такими правильными, выверенными паузами, что на секунду я сама в это поверила. Я, человек, который точно знает, что все это — фарс чистой воды!

И от этого становится по-настоящему жутко. Если он способен так виртуозно играть во влюбленность перед посторонними людьми и собственной совестью, то кто он вообще такой? Гениальный актер? Или просто профессиональный хладнокровный лжец, для которого чужие эмоции — не более чем строчки в бизнес-плане?

Мои размышления прерываются, когда машина плавно тормозит у ювелирного салона, витрины которого сияют так, что слепит глаза.

Внутри пахнет дорогим парфюмом и абсолютной недоступностью. Менеджер, похожий на ухоженного лорда, вы-

пархивает нам навстречу, сверкая безупречной улыбкой. Донатьен с ходу обозначает задачу: нужно кольцо. Дорогое, элегантное, кричащее о том, что у жениха отличный вкус.

Лорд-менеджер выносит бархатные подносы. Бриллианты вспыхивают под галогеновыми лампами так, что хочется надеть солнцезащитные очки.

— Примеряй, — командует Донатьен, отпивая эспрессо, который ему уже успели поднести.

Я послушно беру первое попавшееся кольцо с платиновым ободком и камнем размером с небольшую сливу. Надеваю на безымянный палец... и оно плавно скользит вниз, останавливаясь только потому, что я вовремя сжимаю кулак. Беру второе. То же самое. Оно болтается на мне, как хулахуп, на зубочистке.

— У вас есть что-нибудь... поменьше? — неловко спрашиваю я у менеджера. — У меня четырнадцать с половиной.

Брови «лорда» взлетают к идеально уложенной челке.

— Четырнадцать и пять? Оу. Боюсь, такие миниатюрные размеры мы делаем исключительно под заказ. Самый маленький из готовых — пятнадцатый с половиной, но и он будет вам велик.

Донатьен, вальяжно раскинувшийся в глубоком кожаном кресле, со стуком ставит чашку на блюде и переводит взгляд с моего лица на мои руки. В его глазах читается искреннее непонимание пополам с раздражением.

— Блэр, ты издеваешься? — он кивает на мои ладони.

— У тебя там пальцы или лапки геккона? Как ты вообще удерживаешь в руках стакан с водой?

— Отлично удерживаю, — огрызаюсь я. — Особенно если хочу плеснуть кому-нибудь в лицо.

— Четырнадцать с половиной, — повторяет Донатьен. Он качает головой, но раздражение вдруг улетучивается с его лица, уступая место чему-то странному. Уголок его губ дергается. — Ладно. Признаю, это даже... слегка умиляет. Как будто я обручаюсь с агрессивной феей Динь-Динь.

— Сейчас эта Динь-Динь тебе сделает знаешь что? — бурчу я, но чувствую, как предательски горят уши.

Умиляет его, видите ли.

Я только открываю рот, чтобы сообщить, куда именно этой фее хочется засунуть его снисходительность, как менеджер тактично откашливается.

— Минуточку. Кажется, у нас есть один эксклюзивный вариант из закрытой коллекции. Размер пятнадцатый, но за счет анатомической формы шинки он садится очень плотно. Позвольте?

Он убегает к витрине и возвращается с маленькой черной коробочкой. Внутри на бархате покоится кольцо. Никаких пошлых булыжников. Изящная платина, россыпь мелких бриллиантов по кругу и один центральный камень идеальной огранки и такой чистоты, что кажется, будто он светится изнутри.

Оно выглядит... как настоящее. Как то, что выбирают с

любовью, а не для галочки перед суровым папой.

И даже без ценника ясно — оно стоит как крыло от самолета.

Хотя почему только крыло? И сам самолет, и личный пилот на вечном контракте.

Я наклоняюсь к Донатьену и понижаю голос:

— Уверен, что готов покупать самое дорогое кольцо в этом снобском раю? Вдруг сегодня всё провалится, и твой отец нас раскусит. Не высоковата ли ставка для фиктивной невесты?

Донатьен небрежно опирается локтями о колени, глядя на меня снизу вверх.

— На кону стоит куда больше, Блэр. Бизнес — это всегда риск. А я очень хорошо умею рисковать.

Он не дает мне взять кольцо самой. Перехватывает его двумя пальцами и протягивает свободную руку.

— Давай свою лапку, геккон.

Я нехотя протягиваю левую руку.

Донатьен сидит в кресле, я стою перед ним. И вся эта сцена до дрожи напоминает классическое предложение руки и сердца.

Пока он примеряется, я смотрю на его макушку и думаю о том, что это какая-то злая ирония судьбы. Никогда я не представляла себе этот момент *так*. В моих старых, наивных фантазиях были закаты, дрожащий голос и слезы счастья. Я хотела, чтобы это было по любви.

А потом случился Найлз. И романтика сдохла в муках, оставив после себя лишь цинизм и стойкое отвращение к сказкам. Так что сейчас мне должно быть абсолютно плевать. Любви нет, помолвка — фейк, кольцо — просто дорогой реквизит для спектакля, в котором я играю за свободу сестры. Какая, к черту, разница, кто и как мне его надевает?

Мне просто неловко. Безумно неловко стоять здесь, под прицелом глаз менеджера, и играть в невесту.

Пальцы Донатьена обхватывают мою ладонь. У него горячая, уверенная хватка. Прохладная платина скользит по моей коже. Кольцо садится не идеально, слегка болтается, но застревает на суставе. Да, чуть великовато, но с пальца не слетит.

Я дергаю ладонь, собираясь отпустить какую-нибудь язвительную шутку про то, что теперь левая рука точно отвалится.

Но Донатьен не отпускает мою руку. Он смотрит на кольцо, потом медленно поднимает взгляд и смотрит мне прямо в глаза. В его зрачках нет ни насмешки, ни высокомерия. Только какая-то странная, гипнотическая глубина, от которой у меня перехватывает дыхание.

И в эту долю секунды, пока мы смотрим друг на друга в тишине ювелирного салона, где-то в районе моего желудка вдруг слабо, но отчетливо дергает крылышком одна абсолютно мертвая бабочка.

Донатьен чуть склоняет голову набок. Его голос звучит

низко и бархатно:

— Так что скажешь, Блэр? Ты согласна стать моей...

Он делает паузу. Мое сердце пропускает удар.

— ...подельницей в этой грандиозной афере? — заканчивает он с дьявольской усмешкой.

Ба-бах.

Ту самую бабочку, которая только что посмела дернуть крылышком, хладнокровно расстреливают из револьвера.

— Я согласна стать твоим самым дорогим алиби, — ровным голосом отвечаю я, выдергивая свою руку из его хватки.

Донатьен довольно хмыкает, небрежно бросая менеджеру:

— Мы берем. И коробочку не надо, она пойдет прямо так.

Тяжелая дверь мягко захлопывается, отсекая нас от уличного шума. Водитель плавно трогается с места, а я сижу, словно парализованная, гипнотизируя свою левую руку.

Бриллиант ловит свет проносащихся мимо фонарей и вспыхивает холодными, острыми искрами. Кольцо ощущается на пальце непривычно тяжелым. Чужеродным. И слишком, слишком настоящим для нашей насквозь фальшивой истории.

Я перевожу взгляд на Донатьена. Он сидит напротив, ослабленно откинувшись на спинку кожаного кресла, и ритмично, абсолютно спокойно постукивает пальцами по подлокотнику. Его профиль на фоне мелькающих за тонированным стеклом огней безупречен и холоден.

Слова Донатьена всё ещё крутятся в голове.

Голод.

Меня словно окатило ледяной водой, а затем бросило в жар.

И тут внутри предательски заворчалось сомнение: а вдруг то, что он говорил там, в бутике, описывая свою «искру» — это не просто текст? Вдруг в этом ровном баритоне проскользнула настоящая эмоция?

Глупая. О чем ты вообще думаешь?

Конечно, это ложь. Он профессиональный лжец, выросший в мире, где искренность — это дефект, а умение пускать пыль в глаза — базовый навык выживания. Он бы в жизни не признался девушке в чувствах вот так, без фильтров и страховки. Это была мастерская игра. Оскароносное выступление. Абсолютное попадание в десятку.

Сжимаю челюсти. Я уже проходила этот сценарий. Уже додумывала за одного самовлюбленного идиота глубокий внутренний мир, старательно оправдывая его холодность тем, что «он просто боится своих чувств ко мне».

Хватит. Я больше не позволю себе вляпаться в эту дешевую фантазию.

Резко отворачиваюсь и уставляюсь в свое боковое стекло, скрестив руки на груди так, чтобы спрятать проклятое кольцо подальше от собственных глаз.

— Камень перевешивает? — вдруг нарушает тишину Донатьен.

Я скашиваю на него глаза. Он даже не поменял позы, но в его голосе снова скользит эта фирменная ленивая насмешка.

— Нет, — сухо отзываюсь я, глядя на свое отражение в темном стекле. — Просто прикидываю, в какой ломбард его сдать, если ты вдруг решишь нарушить условия нашей сделки.

Донатьен издает короткий, неожиданно искренний смешок.

— Боюсь, ломбарда с таким бюджетом не существует в природе, Блэр. Тебе придется искать покупателя на черном рынке в Антверпене. Но если дойдет до этого, то так и быть, дам пару контактов.

Я хочу съязвить в ответ, но не могу ничего придумать. Пейзаж за окном тем временем неуловимо меняется. Огни шумного города остаются позади, уступая место тихим, утопающим в идеальной темноте аллеям. Фонари здесь светят приглушенно, деликатно, а заборы становятся все выше и основательнее, превращаясь в неприступные крепостные стены.

Машина плавно сбрасывает скорость. Впереди из полумрака вырастают массивные кованые ворота с вензелями. Они бесшумно разъезжаются в стороны, пропуская нас на территорию, которая по размерам больше напоминает суверенное государство, чем частное владение.

Колеса шуршат по идеальному гравию, и когда из-за вековых деревьев выныривает *он*— роскошный, подавляющий

своим холодным величием дворец, подсвеченный так, словно это резиденция монарха, — воздух в моих легких внезапно заканчивается.

Он здесь *живет*?

Меня накрывает. Жестко и без предупреждения. Липкий, первобытный ужас ползет вверх по позвоночнику.

Мы приехали врать человеку, который владеет всем этим. Человеку, который одним звонком, одним небрежным кивком может стереть в порошок не только кредитную историю моей сестры, но и всю мою жизнь. Размазать и даже не заметить, что наступил на кого-то. Какая к черту сделка? Я для них — пыль на ботинках.

Донатьен поворачивает голову. В его глазах пляшут смешинки. Он откровенно наслаждается представлением под названием «простушка впервые в жизни увидела, как выглядят настоящие деньги». Его снисходительность действует как пощечина.

Стараюсь выровнять спину и держать лицо, но паника уже пустила ледяные корни в желудке. Воздуха в салоне катастрофически не хватает.

— Я не могу, — голос звучит чуждо, словно сквозь толщу воды. — Прости, это ошибка. Я ухожу.

Моя рука дергается к ручке двери, хотя машина еще даже не остановилась до конца. Пульс бьет прямо в барабанные перепонки, заглушая тихую джазовую мелодию в салоне. Мне нужно выйти. Нужно дышать.

Донатьен мгновенно теряет свою вальяжную расслабленность. Пространство между нами схлопывается в долю секунды.

— Эй, — он перехватывает мое запястье. Пальцы смыкаются как стальной капкан, но кожа обжигающе горячая. — Не время давать заднюю, Блэр.

Я дергаюсь, но он держит крепко. Его лицо внезапно оказывается слишком близко. Чувствую терпкий запах его парфюма — что-то невероятно дурманящее, с нотками черного перца и абсолютной, непробиваемой наглости.

— Пусти, — шиплю я, кивая на подсвеченный фасад особняка, который больше похож на филиал Лувра, чем на жилой дом. — Там живет Дарт Вейдер от мира финансов! Я не смогу ему врать, у меня на лбу бегущей строкой будет светиться «Она здесь из-за долгов сестры!».

Донатьен тихо смеется. Смеется! В этот момент мне хочется ударить его сумочкой, желательно — той частью, где металлическая застежка.

— Во-первых, — он чуть ослабляет хватку, но его большой палец начинает медленно, почти гипнотически поглаживать мое запястье прямо там, где бьется сумасшедший пульс. — Мой отец не читает бегущие строки. Он читает только язык цифр и силы. Во-вторых... посмотри на меня.

Я упрямо сверлю взглядом массивные бронзовые ручки входных дверей.

— Блэр. Глаза на меня.

Тон такой, что послушаться физически сложно. Приходится перевести взгляд. В полумраке салона его глаза кажутся почти черными. Никакой ленивой насмешки, только жесткий, сфокусированный расчет.

— Тебе не нужно его обманывать, — произносит он низко, так, что вибрация его голоса отдается где-то у меня под ребрами. — Тебе нужно просто позволить мне сделать свою работу. Я вру этому человеку с тех пор, как научился говорить. Это мое искусство, а я в нем — чертов Микеланджело. Твоя задача — быть моей музой.

— Звучит как вакансия с высоким риском смертности, — бормочу я, но чувствую, как паника начинает понемногу отступать под тяжестью его уверенности.

— Твоя должностная инструкция проста, — продолжает Донатьен, игнорируя мой сарказм. — Улыбаться. Сверкать камнем. И иногда смотреть на меня с легким обожанием. Справишься?

Я сглатываю вставший в горле ком.

— А если он начнет задавать вопросы? Про мою семью?

— Отвечай уклончиво. Или загадочно молчи и смотри на меня. Старые богатые параноики обожают, когда красивые женщины загадочно молчат, — Донатьен наконец отпускает мою руку и одергивает лацканы своего безупречного пиджака. — И помни о Ханне. Один ужин, Блэр. Всего пара часов светской пытки с блюдами, названия которых ты не сможешь выговорить, и коллекторы забудут адрес твоей сестры навсе-

гда.

Удар ниже пояса. Но действенный. Моя паника, повозмущавшись для приличия, нехотя сворачивается в тугой, холодный узел где-то в районе желудка. Выбора нет. Я уже в этой машине, с этим кольцом и с этим невыносимым мужчиной.

Я расправляю плечи, поправляю невидимую складку на платье и натягиваю на лицо свою лучшую улыбку *«я-сплюс-миллиардером-и-мне-чертовски-сучно»*.

— Ладно, — выдыхаю я. — Веди меня к своему Дарту Вейдеру. Но учти: если что-то пойдет не так, я скажу, что ты похитил меня и заставил надеть это кольцо под дулом пистолета.

Донатьен усмехается, выходя из машины. Дверь с моей стороны распаивается, и он подает мне руку — галантный джентльмен на камеру наблюдения.

— Договорились, дорогая, — мурлычет он, пока я опираюсь на его ладонь. — Я даже сам напишу тебе текст чисто-сердечного признания.

А теперь — шоу начинается.

Пути назад нет.

Я выхожу в прохладный вечерний воздух, и гравий хрустит под каблуками. Воздух здесь пахнет хвоей, озоном и, кажется, нереально большими деньгами. Ладонь Донатьен ложится мне на талию — уверенно, по-хозяйски, и слегка подталкивает к массивным парадным дверям. Это прикос-

новение должно бесить, но прямо сейчас оно работает как чертов якорь, не дающий мне улететь в стратосферу от ужаса.

Двери открываются бесшумно, словно по волшебству, хотя я краем глаза замечаю вышколенного дворецкого, сливающегося с интерьером. Никаких золотых вензелей на каждом квадратном метре и лепнины в стиле «дорого-богато». Внутри дом поражает холодной, сдержанной роскошью: темное дерево, мрамор, современное искусство на стенах и тишина.

Когда Донатьен впервые проводит меня через анфиладу залов, я стараюсь не глазеть по сторонам, но мой взгляд всё равно цепляется за стены. Между портретами суровых мужчин в орденах повсюду висят изображения одного и того же пуделя.

У него на редкость странная стрижка: выбритые бока, кисточки на ушах и этот причудливый кудрявый хохолок на макушке, из-за чего он больше напоминает породистого ягненка, чем собаку. На одном из полотен он позирует на фоне поместья с таким высокомерным выражением морды, будто лично владеет этими землями.

Я благоразумно прикусываю язык. Если в этой семье принято тратить целые состояния на услуги парикмахера для пуделя с замашками императора и увековечивать его в масле — это их личное дело. В конце концов, я здесь не для того, чтобы обсуждать собачью моду.

Мы проходим через холл в огромную гостиную, залитую мягким светом.

Венсан Вельмонт нас не ждет. В смысле, он не стоит посреди комнаты с бокалом виски, картинно вглядываясь в огонь камина. Он сидит за длинным столом из массива ореха, больше похожим на переговорный, и что-то быстро подписывает, пока мужчина в строгом сером костюме собирает бумаги в папку.

— Слияние закрыть до четверга. Если азиаты будут тянуть, режьте их долю на два процента, — бросает Венсан, не поднимая головы. Голос у него такой же, как у сына — глубокий и резонирующий, только в нем нет ни капли ленивой иронии Донатьена.

Помощник кивает, забирает папку и бесшумно испаряется из комнаты, мазнув по нам равнодушным взглядом.

Только тогда Венсан откладывает ручку и поднимает глаза.

Он выглядит как человек, который может купить твою душу, а потом сдать ее в аренду с наценкой. Седина на висках лишь подчеркивает жесткую линию челюсти — ту самую, которую Донатьен унаследовал с пугающей точностью.

— Ты опоздал на четырнадцать минут, — вместо приветствия произносит Вельмонт-старший. Его взгляд, тяжелый и цепкий, как у снайпера, скользит по Донатьену и тут же переключается на меня.

— Пробки, отец, — небрежно отзывается Донатьен, его

рука на моей талии чуть сжимается. — Знакомься. Это Блэр.

Венсан не встает. Он откидывается на спинку кресла, складывая руки домиком, и изучает меня так, словно я — строчка в квартальном отчете, которая вызывает у него сомнения. Я чувствую, как на пальце пульсирует проклятый бриллиант, но заставляю себя не прятать руку. Вздергиваю подбородок и смотрю прямо в эти стальные глаза.

— Блэр, — пробует он мое имя на вкус, и звучит это так, будто он ищет в нем скрытый дефект. — Надеюсь, вы стоите того времени, которое мой сын тратит на вас вместо того, чтобы заниматься делами компании.

Внутри меня все сжимается от возмущения. Страх куда-то испаряется, уступая место чистой, концентрированной злости. Ах ты ж старый сноб.

Я растягиваю губы в вежливой, абсолютно светской улыбке.

— Уверяю вас, мистер Вельмонт, — произношу я ровным, спокойным тоном, выдерживая его стальной взгляд. — Я лишь помогаю Донатьену оттачивать навык делегирования. Согласитесь, если ваша империя начинает нести убытки только потому, что ее глава провел вечер в приятной компании, возможно, проблема не в моем обществе, а в неэффективном топ-менеджменте?

В гостиной повисает звенящая тишина. Донатьен рядом со мной издает звук, подозрительно похожий на сдавленный смешок, но тут же виртуозно маскирует его под кашель. Рука

на моей талии одобрительно сжимается.

Венсан Вельмонт несколько секунд смотрит на меня не мигая. А затем уголки его губ едва заметно ползут вверх.

— У нее есть зубы, — констатирует он, не сводя с меня тяжелого взгляда.

— Венсан, прекрати пугать нашу гостью прямо с порога, — раздается мягкий, мелодичный голос.

Я поворачиваю голову и мысленно выдыхаю. В гостиную, словно сойдя со страниц Vogue, выплывает женщина. Именно выплывает — ее походка настолько плавная, что кажется, будто она скользит над мраморным полом. Элегантное шелковое платье, идеальная укладка и теплая, почти искренняя улыбка, которая удивительным образом смягчает ледяную атмосферу этой комнаты. Мама Донатьена.

— Элеонора, — представляется она, протягивая мне обе руки. Вблизи видно, что у Донатьена ее глаза — синие, глубокие, но, в отличие от сына, в них нет ни капли холодного расчета. — Добро пожаловать, Блэр. Не обращайтесь на моего мужа, он просто забывает выключать режим босса, когда переступает порог дома.

Мы перемещаемся в столовую, которая размерами больше напоминает банкетный зал в Версале. Длинный стол красного дерева сервирован так, будто мы ждем британскую королевскую семью: тяжелое серебро, хрусталь, ловящий блики от свечей, и безупречно белые салфетки.

Я сажусь рядом с Донатьеном. Венсан занимает место во

главе стола. Элеонора напротив него. Как только бесшумные официанты наполняют наши бокалы и исчезают, Венсан переходит в наступление. Он не из тех людей, кто тратит время на светские беседы о погоде.

Он медленно отпивает вино, ставит бокал и сцепляет пальцы перед собой.

— Итак, Блэр. — Его голос звучит обманчиво мягко. — Мой сын никогда не отличался особой скрытностью. Газеты обычно знают о его увлечениях раньше, чем я успеваю выпить утренний кофе. Как так получилось, что вы умудрились оставаться невидимкой? Год отношений, помолвка... и ни одной утечки в прессу? Вы шпионка? Или Донатьен прятал вас в бункере?

Я чувствую, как под столом мои колени начинают дрожать. Сердце делает кульбит. Вот оно. Допрос с пристрастием. Я открываю рот, судорожно придумывая, как бы изящно соврать про любовь к тишине и приватности, но...

Тут начинается спектакль.

Донатьен берет слово, и я понимаю, почему он так уверен в себе. Он не просто врет. Он ткет паутину из правды и вымысла с грацией виртуоза.

— Помнишь, отец, когда я летал в Швейцарию прошлой зимой? — его голос звучит бархатно, расслабленно. Он небрежно крутит ножку винного бокала, глядя на Венсана с легкой полуулыбкой. — Я тогда пропустил два дня саммита. Вы думали, я сорвался в горы кататься. На самом деле, я был

с Блэр. Мы сняли шале вдаль от всех.

Я замираю, стараясь сохранить на лице выражение легкой, ностальгической нежности. *Швейцария? Прошлой зимой?* Господи, прошлой зимой я сидела в своей крошечной квартире в плед с катышками, ела дешевый рамен и плакала из-за провала книги!

— Это было необходимо, — продолжает Донатьен, плавно накрывая мою руку, лежащую на столе, своей большой, теплой ладонью. Его большой палец медленно, почти интимно поглаживает мою кожу, заставляя мурашки маршировать по позвоночнику. — Блэр ненавидит публичность. А я... я слишком дорожил тем, что между нами происходило, чтобы бросать это на растерзание стервятникам из таблоидов. Я хотел, чтобы она принадлежала только мне. Хотя бы первое время.

Он поворачивает ко мне голову, и наши взгляды встречаются. В его глазах плещется такая неподдельная, глубокая нежность, что у меня щемит сердце. Если бы я не знала, что стою ему ровно ту сумму, которую должна моя непутевая сестра, я бы прямо сейчас растаяла лужицей на этом персидском ковре.

— Шале? — Венсан приподнимает бровь, явно взвешивая эту информацию. — Тот самый случай, когда ты не отвечал на звонки три дня из-за «плохой связи»?

— Именно, — Донатьен усмехается, не разрывая нашего с ним зрительного контакта. — Связь была просто отврати-

тельной. Зато компания... безупречной. Правда, любимая?
Любимая.

От того, как звучит это слово, у меня внутри что-то екает.
— Абсолютно, — мурлычу я, включаясь в игру. Я накрываю его руку своей и мягко улыбаюсь Венсану. — Боюсь, господин Вельмонт, это я виновата. Я спрятала его телефон. Когда мы вместе, я предпочитаю, чтобы он смотрел на меня, а не на котировки акций.

Элеонора издает тихий, одобрительный смешок. А Венсан... Венсан задумчиво трет подбородок, глядя на наши сплетенные руки. Кажется, первая линия обороны пройдена. Но расслабляться рано.

— А Париж в мае? — продолжает он, с нежной улыбкой заглядывая мне в глаза. — Мам, ты еще возмущалась, что я не заехал к нашему кузену. Мы летали с Блэр отмечать нашу годовщину. Прятались от папарацци на Монмартре.

Мой пульс отдает в висках.

Швейцария. Париж.

До меня вдруг доходит весь цинизм происходящего. Каждое его «помнишь» — это реальный факт из его биографии. Реальные даты, реальные билеты, реальные отели. Только вот он там был не со мной. На моем месте была какая-то другая девушка. А может, в Швейцарии одна, а в Париже — другая. Он просто берет свои прошлые интрижки, стирает лица своих бывших пассий и клеивает туда меня, создавая нашу «историю любви» из обрезков своей холостяцкой жизни.

ни.

От этой мысли внутри всё стягивается в тугую, неприятный узел.

— Звучит... поэтично, — тянет Венсан, делая глоток вина. — Но слова остаются словами. Зачем ты скрывал ее от нас?

— Чтобы защитить, — не моргнув глазом парирует Донатьен. Он достает телефон и, сделав пару тапов, небрежно скользит им по полированному дереву стола в сторону родителей. — Смотрите сами.

Мать грациозно склоняется над экраном, Венсан лишь скашивает глаза.

Я знаю, что там. Те самые сгенерированные нейросетью кадры, которые Донатьен показывал мне в машине. Вот мы смеемся на фоне заснеженных Альп — на мне дурацкая вязаная шапка, а его нос покраснел от мороза. Вот размытое селфи у Эйфелевой башни: я целую его в щеку, а он щурится от вспышки. Тени, свет, текстура моей кожи — всё выглядит пугающе реалистично. Цифровая ложь высшей пробы.

Я сижу с прямой спиной, чувствуя, как под лопатками собирается холодный пот. Я не могу прочитать лицо Венсана Вельмонта. Верит ли этот прожженный циник, построивший империю на чужих слабостях, в сказки своего непутевого наследника? Его лицо остается каменным.

Он медленно отодвигает телефон. Тишина в столовой становится осязаемой.

И тут Венсан поднимает взгляд. Медленный, цепкий, про-

бирающий до костей. Он смотрит не на сына.

Внимание хищника переключается на меня.

— Красивые картинки, — произносит он низким, ровным голосом, от которого по рукам бегут мурашки. — Но я предпочитаю слушать первоисточник. Итак, Блэр... Расскажите мне. Чем именно вас зацепил мой сын? И только не говорите мне о его прекрасной душе, мы оба знаем, что это не так.

Я сглатываю. Воздух застревает в легких. Донатьен под столом сжимает мои пальцы чуть сильнее.

Мой выход.

Я выдерживаю тяжелый взгляд Венсана. Не отвожу глаза, хотя инстинкт самосохранения вопит об обратном.

— Знаете, — произношу я ровно. — Сначала я думала, что ваш сын — тот еще поганец.

Пальцы Донатьена под столом сжимаются на моей руке с такой силой, что кости протестующе хрустят.

— Меня буквально воротило от его тщеславия, — продолжаю я, чеканя каждое слово. — Я думала, что он избалованный, самовлюбленный идиот.

Мать Донатьена замирает с бокалом у приоткрытых губ. Они с Венсаном обмениваются коротким, острым взглядом. Секунда. Две. А затем плечи старшего Вельмонта начинают сотрясаться. Он откидывается на спинку тяжелого стула, и из его груди вырывается раскатистый, искренний хохот хищника, оценившего шутку.

— Bravo, — Венсан салютует мне бокалом, глядя с вне-

запно вспыхнувшим интересом. — Всё верно. Абсолютно точный диагноз. Это мой сын.

Я поворачиваю голову и смотрю прямо в глаза Донатьену. В его зрачках плещется ядерная смесь ярости и непонимания. Он ждет катастрофы. Но я — писательница. Я знаю, как работает контраст и как выжать из аудитории эмоцию.

— Но потом... — мой голос смягчается. — Потом я увидела, что всё это — просто глухая броня. Дорогая, блестящая маска. А за ней скрывается настоящий человек. Тот, чья душа до одури тоскует по чему-то живому. По чему-то настоящему.

Я ласково веду свободными пальцами по его напряженной скуле, играя роль до конца.

— И когда он позволил мне заглянуть за эту маску... тогда я влюбилась в него.

Надо видеть лицо этого идиота.

На какую-то долю секунды его непроницаемый фасад дает трещину. Челюсть едва заметно напрягается, а в глазах мелькает абсолютный, почти детский шок. Под столом его ладонь, еще секунду назад сжимавшая мою мертвой хваткой, вдруг становится обжигающе горячей и влажной.

Я попала. Своей выдуманной, книжной репликой я случайно нащупала оголенный провод под его идеальным костюмом.

Но Донатьен Вельмонт не зря носит свою фамилию. Заминка длится ровно один удар сердца. Он сглатывает, морга-

ет, и уязвимость исчезает, сменяясь привычной дьявольской самоуверенностью. Хищник возвращается в игру.

Он резко перехватывает мою руку, подносит ее к своим губам и обжигает костяшки долгим, собственническим поцелуем. Глаза, смотрящие на меня поверх моих же пальцев, темнеют и обещают расплату.

— Она читает меня как открытую книгу, пап, — Донатьен плавно перехватывает «микрофон». Он притягивает меня ближе к себе, так, что наши плечи соприкасаются. — Это пугает и сводит с ума одновременно. Помнишь тот вечер в Монако? Когда я сорвал переговоры с японцами и уехал в ночь... Я тогда гнал по серпантину и думал только о том, что если не увижу её прямо сейчас, то просто сойду с ума.

Он лжет как дышит. Вплетает мою импровизацию в свой чертов сценарий, снова используя реальные факты из своей жизни. Но теперь Венсан слушает его иначе. Старик подается вперед, опираясь локтями о стол, и в его взгляде больше нет той скушающей насмешки.

Мы купили им билеты в первый ряд на наше шоу, и, кажется, они поверили в магию.

Остаток ужина проходит на удивление гладко. Я виртуозно уклоняюсь от скользких вопросов, Донатьен смотрит на меня с таким обожанием, что я сама начинаю верить в нашу историю.

Наконец, когда с десертом покончено, Донатьен изящно отодвигает свой стул.

— Что ж, это был прекрасный вечер, — произносит он, поднимаясь и подавая мне руку. — Но нам пора. Завтра рано вставать, а Блэр еще нужно...

— Глупости, — прерывает его Венсан. Одно короткое слово, но звучит оно как удар судейского молотка.

Я замираю, так и не успев до конца выпрямиться.

— Отец прав, милый, — тут же подхватывает Элеонора, мягко промокая губы салфеткой. — Куда вы поедете на ночь глядя? Дорога до города займет больше часа.

— Мам, мы прекрасно доберемся... — начинает Донатьен, и я впервые слышу в его бархатном голосе едва уловимую нотку паники.

— Никаких возражений, — Элеонора лучезарно улыбается, поднимаясь из-за стола. — Я уже распорядилась. Ваша спальня готова. Восточное крыло, как ты любишь. Блэр, дорогая, тебе принесут все необходимое.

Спальня?

Слово эхом отскакивает от стенок моего черепа. В смысле — спальня? В единственном числе?!

Мой внутренний калькулятор, который до этого радостно подсчитывал, что до конца смены осталось минут десять, выдает фатальную ошибку и дымится. Я думала, это розовая акция! Ужин, пара улыбок, легкий флирт, и мы разбегаемся по своим мирам. В моем воображаемом контракте не было ни слова про ночевку!

Я бросаю на Донатьена взгляд, полный животного ужаса.

Сделай что-нибудь!— вопят мои глаза.

Скажи, что у меня аллергия на загородный воздух! Что я лунатик с топором! Что у нас дома осталась некормленная игуана!

Но Донатьен молчит. Он понимает то же, что и я: если мы сейчас начнем отнекиваться и требовать разные комнаты, весь наш оscarоносный спектакль про «безумную любовь в швейцарском шале» пойдет прахом. Венсан раскусит нас за секунду.

Донатьен делает медленный вдох, расслабляет челюсть и выдает безупречную улыбку.

— Спасибо, мам. Это очень кстати. Блэр действительно устала.

Я тебя убью,— одними губами артикулирую я, пока Эленора отворачивается к прислуге.

Только после того, как мы уйдем из-под прищела,— читаю я в его потемневших глазах.

Через пять минут мы, в сопровождении невозмутимой экономки, поднимаемся по широкой мраморной лестнице. Каждый мой шаг звучит как удар в похоронный колокол. Мы идем по длинному коридору восточного крыла. Картины, антикварные вазы, ковровые дорожки, поглощающие звук шагов — все это сливается в одно размытое пятно.

Экономка открывает тяжелую дубовую дверь, желает нам спокойной ночи и бесшумно исчезает, оставляя нас один на один с реальностью.

Замок щелкает, отрезая нас от коридора.

Я отскакиваю от Донатьена так, словно он бьет током. Иллюзия идеальной пары рассыпается в прах.

Медленно поворачиваюсь и осматриваю комнату. Она огромная. Роскошная. С панорамными окнами и выходом на террасу. Но мой взгляд намертво примагничивается к центру спальни.

Кровать.

Она одна. И да, она размеров аэродрома — на ней легко мог бы припарковать свой частный самолет какой-нибудь рэпер, — но суть от этого не меняется. Это одна кровать. С одним огромным одеялом.

— Какого черта, Донатьен?! — шиплю я, не решаясь повысить голос — кто знает, какая тут звукоизоляция. — Ты обещал только ужин!

Он не отвечает сразу. Проходит вглубь комнаты, сдерживает с шеи галстук — резко, раздраженно — и швыряет его на кресло. Следом летит пиджак. Без брони он вдруг кажется более уязвимым, но его глаза горят лихорадочным блеском.

— Ты думаешь, я этого хотел? — он поворачивается ко мне, расстегивая верхние пуговицы рубашки. — Ты отлично справилась внизу, Блэр. Твой пассаж про «избалованного идиота» был гениален, признаю. Ты почти убедила старика.

— Почти?! Да он смеялся!

— Венсан Вельмонт никогда не верит на слово, — отрезает Донатьен, подходя ближе. — То, что он смеялся, значит

только одно: ты его заинтриговала. Но он не идиот. Он чувствует подвох. Эта ночевка — тест.

Я скрещиваю руки на груди, пытаюсь унять дрожь.

— Какой еще тест? Мы заперты в одной комнате!

— Именно, — он криво усмехается, кивая на огромную кровать. — Он хочет посмотреть, как мы будем вести себя утром. Хочет проследить за нами подольше, вне парадной столовой. Если бы я продолжил настаивать на отъезде, он бы понял, что мы боимся остаться наедине в его доме. Мы бы провалили проверку, не успев начать.

— И что теперь? — я киваю на кровать.

Донатьен тяжело вздыхает и трет переносицу.

— Нам придется спать в одной постели. Потому что если горничная утром найдет меня на диване, к обеду отец заморозит все мои счета.

— Что еще? Мы должны разыгрывать страсть всю ночь?

Он смотрит на меня сверху вниз. В его взгляде больше нет той дьявольской самоуверенности — только голый прагматизм и что-то темное и нечитаемое.

Донатьен открывает рот, собираясь ответить, но меня уже несет. Нервы, натянутые за ужином до предела, наконец-то сдают.

— Я не буду спать с тобой! — я разворачиваюсь к нему, упирая руки в боки. — Я на такое не подписывалась, Донатьен!

— Не драматизируй, Блэр. Кровать кинг-сайз. Мы можем

лечь на разных краях и даже не узнать о существовании друг друга до самого утра.

— Не драматизировать?! — мой голос срывается, предательски взлетая на октаву. Паника берет верх над здравым смыслом. — Ты втянул меня в аферу, заставил врать твоему отцу-рентгену, а теперь предлагаешь лечь с тобой в одну постель?! Что дальше?

Я даже не успеваю сделать вдох. Донатьен бросается ко мне с пугающей скоростью. Его жесткая рука обхватывает меня за талию, резко впечатывая спиной в стену, а широкая ладонь второй руки плотно накрывает мой рот, обрывая фразу на полуслове.

— Тшшшш, — предостерегающе шипит он, склоняясь к самому моему лицу.

Воздух с силой выбивает из легких. Внутри всё болезненно сжимается, а затем резко переворачивается от обжигающей близости его мужского тела. Он прислоняется ко мне так тесно, что я чувствую каждый дюйм его напряженных мышц, жар, проникающий сквозь тонкую ткань моего платья, и тяжелый, рваный ритм его дыхания. Запах черного перца и чистого адреналина бьет по рецепторам, парализуя волю.

Он наклоняется еще ниже. Жесткая щетина слегка царапает мою щеку, когда он выдыхает прямо мне в ухо, обдавая кожу горячим воздухом:

— Говори потише. Ради всего святого.

Я замираю, боясь пошевелиться, чтобы не спровоциро-

вать еще большее трение между нами.

Не разрывая этого удушающе-тесного контакта, Донатьен свободной рукой достает из кармана брюк телефон. Его большой палец быстро и беззвучно скользит по экрану, после чего он разворачивает аппарат ко мне.

Черные буквы на белом фоне бьют наотмашь:

«Пока мы здесь, лучшие не выдавать себя. У отца может быть прослушка. Он не просто так нас попросил остаться. Проверяет».

Я вчитываюсь в строчки, и по спине ползет ледяной холод, резко контрастирующий с жаром тела Донатьена. Прослушка. В гостевой спальне. Уровень паранойи в этом доме пробивает потолок.

Поднимаю на него округлившиеся глаза, немо спрашивая: *«Ты шутишь?»*

Донатьен едва заметно качает головой, его взгляд темнеет, становясь хищным и пугающе сосредоточенным. Он блокирует экран, прячет телефон обратно и снова склоняется к моему уху. Его губы теперь почти касаются моей мочки, отчего по шее бегут мурашки.

— Так что на твой предыдущий вопрос ответ «да», моя дорогая невеста, — шепчет он. — Боюсь, нам придется устроить для моего отца небольшой спектакль. И он должен звучать убедительно.

Глава 6

Донатьен

♪ *Self Made - Girl You Loud*

Она отчаянно дергается в моей хватке, ее ногти впиваются мне в запястье. Глаза мечут такие молнии.

Чувствую, как она замирает под моей ладонью. Грудь тяжело вздымается, задевая мою рубашку.

Хорошо. Значит, не идиотка. Понимает без лишних объяснений.

Я вижу, как напрягаются мышцы на ее шее. В ее взгляде паника борется с яростью, но затем происходит то, на что я и рассчитывал: эмоции отступают, уступая место холодному, вынужденному прагматизму. Она ненавидит меня в эту секунду, ненавидит моего отца и всю эту абсурдную ситуацию. Но она не дура. И она в деле.

Держу ее прижатой к стене ровно столько, сколько нужно, чтобы убедиться — она не рванет от меня с воплем и не начнет задавать вопросы вслух. Отец не просто так попросил нас остаться. Если в этой комнате есть микрофон — а он есть, я в этом почти уверен — нам нужен звуковой фон, который не вызывает вопросов.

Влюбленная пара на ночь. Элементарно.

Я отнимаю ладонь от ее губ и чуть отступаю. Ровно на сантиметр. Мне нужно думать, а не отвлекаться на то, как

она пахнет. Так сладко. Слишком одуряюще, черт подери.

Блэр смотрит на меня снизу вверх. Глаза огромные, зрачки расширены — страх пополам с яростью. Характерное сочетание для нее, как я уже успел заметить за этот вечер.

Она открывает рот.

Я опускаю взгляд на ее губы и коротко качаю головой.

Не сейчас.

Она закрывает рот.

Умница.

Я медленно опускаю руку. Отступаю еще на полшага, разрывая физический контакт, потому что ее близость начинает действовать мне на нервы. Точнее, на те участки мозга, которые сейчас должны быть заняты исключительно холодным расчетом, а не анализом того, насколько мягкой была кожа на ее талии.

Достаю из кармана брюк телефон, смахиваю блокировку и открываю пустую заметку. Быстро печатаю:

«Отец параноик с замашиками агента ЦРУ. 90%, что здесь жуки. Нам нужен звуковой фон».

Поворачиваю экран к ней. Блэр щурится, вчитываясь в текст. Я буквально вижу, как шестеренки в ее красивой голове со скрипом проворачиваются, осознавая масштаб катастрофы. Она резко выхватывает у меня смартфон. Ее пальцы яростно, с остервенением стучат по стеклу.

Она возвращает мне телефон с видом оскорбленной королевы.

«Я требую компенсацию за моральный ущерб и работу во вредных условиях!»

Я невольно усмехаюсь. В этой девчонке есть стержень. Печатаю ответ:

«Обсудим. А пока — снимай туфли и иди в ванную. Включи воду».

Блэр читает, гневно раздувает ноздри, но кивает. Чтобы закрепить эффект для наших невидимых слушателей, я прочищаю горло и произношу вслух, старательно добавляя в голос интимную, тягучую хрипотцу:

— Иди в душ первая, милая.

Блэр смотрит на меня так, будто я только что предложил ей станцевать стриптиз перед алтарем. Она выразительно крутит пальцем у виска, затем демонстративно, с громким стуком, сбрасывает одну туфлю. Затем вторую.

— Конечно, *любимый*, — отзывается она вслух. Ее голос звучит так приторно-сладко, что от этого сиропа у меня сводит скулы. А потом она выдает то, чего я никак не ожидал: — Спинку потрешь?

Ого.

Я замираю. Моя фантазия, не спросив разрешения у здравого смысла, тут же услужливо подкидывает яркую картинку: мокрая Блэр, скользкая по коже пена, влажные волосы, липнущие к лопаткам...

Так, стоп. Вельмонт, соберись. Ты на деловых переговорах, а не в борделе.

Я смотрю на нее. Блэр победно вздергивает подбородок, в ее глазах пляшут озорные, злые бесенята. Она знает, что уела меня. Знает, что прямо сейчас я не могу ответить ей так, как ответил бы без свидетелей.

— В следующий раз, ангел мой, — ровным, бархатным тоном отвечаю я в пустоту комнаты, мысленно показывая средний палец скрытым микрофонам. — Я слишком устал. И хочу сберечь силы для... *ночи*.

Теперь настает ее очередь давиться воздухом. Взгляд Блэр обещает мне долгую и мучительную смерть. Она резко разворачивается на пятках и марширует в сторону ванной.

Дверь захлопывается. Раздается щелчок замка. Через секунду с шумом обрушивается поток воды.

Я шумно выдыхаю, проводя рукой по волосам. Стягиваю рубашку, бросаю ее поверх пиджака и поворачиваюсь к кровати.

Огромной. Двухспальной. С одним чертовым одеялом.

Сажусь на край матраса, слушая шум воды в ванной, и тру переносицу. Что ж, отец, ты хотел шоу? Ты его получишь.

Шум воды стихает. Щелчок замка, и Блэр выходит из ванной.

Я ожидал увидеть что угодно: смущение, злость, может быть, попытку завернуться в полотенце так, чтобы превратиться в мумию. Но на ней легкая шелковая пижама жемчужного цвета — видимо, нашла в шкафу для гостей. Ткань струится по ее фигуре, короткие шортики открывают строй-

ные ноги, а тонкие бретельки топа подчеркивают хрупкие ключицы.

Я сижу на краю кровати, откинувшись на руки, и выразительно выгибаю бровь. Блэр останавливается посреди комнаты, складывает руки на груди и смотрит на меня в ожидании инструкций.

Я хлопаю ладонью по матрасу рядом с собой. Она недоверчиво щурится, но подходит.

Как только она садится, я придвигаюсь вплотную. Блэр инстинктивно дергается назад, но я перехватываю ее за локоть и сую ей под нос телефон с открытой заметкой.

«Будем изображать бурную страсть. Готова к Оскару?»

Она читает, фыркает и выхватывает телефон.

«Я актриса драматическая. В дешевой порнухе не снимаюсь».

Я усмехаюсь, забираю аппарат и, понизив голос до бархатного шепота, произношу вслух:

— Ты так долго была в душе, ангел мой... Я чуть с ума не сошел, представляя, как вода скользит по твоему телу.

Блэр округляет глаза. Ее губы беззвучно артикулируют: *«Какая пошлость».*

Я быстро печатаю:

«Твой выход. И давай, раскачивай матрас, нам нужен скрип».

Она закатывает глаза, но начинает ритмично, с абсолютно каменным лицом, подпрыгивать на пружинах. Скрип разда-

ется на всю комнату.

«Начинаем спектакль. Подыгрывай».

Она читает, кивает с серьезным видом, и тогда я приступаю к действиям. Подношу собственное запястье к губам и начинаю с энтузиазмом его целовать.

Звук получается влажным и неприлично звонким в тишине спальни. Чмок. Чмок-чмок. Словно кто-то с жадностью ест переспелый персик.

Блэр округляет глаза. Она зажимает рот обеими ладонями, и я вижу, как ее плечи начинают мелко трястись от беззвучного хохота. Она буквально краснеет от усилий не зажать в голос. Затем она морщится, словно проглотила лимон, и резко вырывает у меня мобильник. Ее пальцы яростно летают по экрану.

«Ты мерзкий. И звучишь как озабоченный подросток».

Я беззвучно усмехаюсь, забираю аппарат и быстро печатаю:

«Это система Станиславского. Учись, пока я жив».

Вслух же выдаю низким, хриплым шепотом:

— Твоя кожа... ты такая сладкая.

Она закатывает глаза так сильно, что я боюсь, как бы они не застряли. Но тут же включается в игру.

— Мы не можем здесь... твой отец в соседнем крыле...

— произносит она с идеальным, трепетным придыханием, полным фальшивого испуга.

О. Неплохо.

Я даже на секунду зависаю от того, как естественно у нее это вышло.

— К черту отца, — рычу я, старательно добавляя в голос животной страсти, и параллельно начинаю остервенело бить кулаком по подушке, создавая звук шлепков. — Я хочу тебя прямо сейчас.

Блэр зажимает рот рукой, чтобы не заржать. Ее плечи трясутся от беззвучного смеха. Она вырывает у меня телефон свободной рукой.

«Ты бьешь подушку так, будто она должна тебе денег. Смягчи удар, Рэмбо».

Я читаю и сам еле сдерживаю смех. Ситуация абсурднее некуда. Мы сидим на огромной кровати в замке моего отца-параноика: я избиваю пуховую подушку, а Блэр прыгает на матрасе, как на батуте.

Экран телефона светится между нами, как пульт управления этим театром абсурда. Я смотрю на Блэр — на ее растрепанные волосы, на смешинки в глазах, на то, как она закусывает губу, чтобы не рассмеяться в голос, — и внезапно ловлю себя на мысли, что мне давно не было так весело.

Упираюсь рукой в массивное изголовье кровати и начинаю ритмично раскачивать матрас. Скрип-стук. Скрип-стук. *«Издай звук. Стони»*, — пишу я ей в телефоне одной рукой, продолжая раскачивать кровать другой.

Блэр набирает в грудь воздух и выдает странный звук. Что-то среднее между писком мыши, которой прищемили

хвост, и вздохом человека, которому только что наступили на ногу в метро.

— Ах... Донатьен... — Блэр издает томный вздох, глядя при этом в потолок с выражением вселенской скуки. — Да...

Смотрю на нее с откровенным скепсисом. Пишу в заметках:

«Ты звучишь так, будто тебе лечат зуб без анестезии.»

Она гневно раздувает ноздри и выхватывает телефон:

«Я тебе не звезда фильмов для взрослых! Как умею, так и стону!»

Пишу в ответ:

«Нужно больше огня!»

Она читает, гневно сверкает глазами и печатает в ответ:

«Представь, что я бревно. И вообще, я не умею стонать по заказу!»

— О, Боже, да, милая, вот так... — хриплю я вслух, одной рукой раскачивая спинку кровати, чтобы она ритмично стучала о стену. Бам. Бам. Бам.

Блэр смотрит на мои манипуляции, и ее прорывает. Она отворачивается, утыкаясь лицом в сгиб локтя, и ее плечи начинают трястись от беззвучной истерики. Чтобы скрыть смех, она издает странный, сдавленный писк, который при должной фантазии можно принять за стон экстаза.

Я достаю телефон, держа его так, чтобы она видела экран, и печатаю:

«Громче давай».

Она читает. Ее щеки заливает яркий румянец, а в глазах вспыхивает бунт. Она тянется к экрану и быстро набирает:

«Иди к черту».

Я приподнимаю бровь, бросая ей безмолвный вызов, и опускаюсь еще ниже. Так близко, что чувствую запах ее кожи — что-то едва уловимое, но бьющее прямо по рецепторам.

— Иначе мне придётся заставить тебя стонать по-настоящему, — шепчу ей на ухо.

Это срабатывает как красная тряпка на быка. В ее глазах вспыхивает чистый азарт. Блэр отбрасывает телефон на одеяло. Она чуть откидывается назад, опираясь на руки, запрокидывает голову, открывая изящную линию шеи, и прикрывает глаза.

А затем из ее горла вырывается стон.

Глубокий. Бархатный. Вибрирующий. Он начинается как тихий, дрожащий выдох, перерастает в чувственный, рваный всхлип и заканчивается моим именем, произнесенным так сладко, тягуче и отчаянно, что я невольно сглатываю.

— Да... Боже, Донатьен... еще... — шепчет Блэр, и в ее голосе столько неподдельной, дикой страсти, что у меня по спине бегут мурашки размером с крупную дробь.

Я замираю. Моя рука, раскачивающая кровать, останавливается.

Мозг на секунду просто отказывается понимать, что это постановка. Внизу живота мгновенно, без всякого предупреждения, до боли сводит мышцы. Срабатывает животный

триггер. Я пялюсь на ее приоткрытые губы, на бьющуюся жилку на шее, чувствуя, как пульс тяжелыми ударами бьет по барабанным перепонкам.

Она поднимает голову. Видит мое абсолютно ошарашенное лицо, и на ее губах медленно расплывается самодовольная, дьявольская ухмылка. Она берет телефон, чтобы напечатать мне очередную колкость, набирает в грудь воздух для нового, еще более кинематографичного стоны...

Ну уж нет. Хочешь устроить шоу? Давай сделаем это в формате IMAX.

Я выхватываю телефон из ее рук и отбрасываю его на край постели. Блэр возмущенно открывает рот, но я не даю ей издать ни звука. Одним хищным движением я перекаत्याюсь и оказываюсь сверху.

— Осторожнее, детка, ты меня царапаешь, — мурлычу я вслух.

Я опираюсь руками по обе стороны от ее бедер, запирая ее в ловушку. Между нами остаются жалкие миллиметры. Блэр замирает, ее глаза расширяются, а самодовольная ухмылка мгновенно стирается с лица.

— Что ты... — начинает она шепотом, но я нависаю над ней, упираясь коленом прямо между ее ног.

Я делаю резкое движение бедром, намеренно создавая больше шума от трения ткани и заставляя пружины матраса жалобно прогнуться.

Блэр упирается ладонями мне в грудь, пытаясь оттолк-

нуть, но это только добавляет реализма нашему спектаклю. Мы барахтаемся на кровати, как два борца на ринге, только вместо удушающих приемов у нас шелк, сбивчивое дыхание и скрип дерева. Каждое наше движение пропитано таким густым, искрящимся напряжением.

— Отпусти, — шипит она одними губами, извиваясь подо мной.

Ее промежность трется о мое колено. Моя грудь прижимается к ее груди. Я чувствую сквозь тонкую ткань, как бешено колотится ее сердце. И мое собственное начинает отбивать тот же безумный ритм.

Эта возня, которая задумывалась как тактический ход, чтобы перехватить инициативу, внезапно начинает работать против меня. Градус повышается с каждой секундой. От нее пахнет разгоряченной кожей и паникой. Я опускаю голову ниже, так близко, что мое дыхание обжигает ее шею.

Мы продолжаем эту абсурдную борьбу в полной тишине, нарушаемой только шорохом простыней. Я смещаю вес, прижимая ее плотнее к матрасу. Моя рука медленно, словно пробуя границу дозволенного, скользит по ее бедру, сминая гладкую ткань шортиков. Пальцы обжигает тепло ее тела.

Блэр вздрагивает. Она перестает сопротивляться. Ее пальцы, секунду назад отталкивавшие меня, вдруг судорожно комкают ткань простыни. Она запрокидывает голову, открывая незащитную линию шеи, шумно втягивает воздух сквозь стиснутые зубы и выдает еще один стон.

Но в этот раз в нем нет ни капли театральности. Он хриплый. Глухой. Настоящий.

И на этом звуке у меня срывает резьбу.

Тонкая нить контроля лопается с оглушительным треском. Я больше не играю для прослушки. Я вообще забываю, где мы находимся.

Я не дожидаясь, пока она откроет глаза. Рывок — и я затыкаю ее полуоткрытый рот настоящим, жестким поцелуем.

Секунда абсолютного шока. Блэр каменеет подо мной. Я жду, что сейчас получу коленом в пах или пощечину, которая точно запишется на микрофоны отца. Но вместо этого она тихо, судорожно выдыхает мне в губы, и ее руки отчаянно зарываются в мои волосы.

Поцелуй из внезапного порыва мгновенно превращается в пожар.

Она отвечает жадно, неистово, словно мы оба сошли с ума. Я сминаю ее губы, скольжу языком по ее небу, впитывая вкус мяты и чего-то невыносимо сладкого. Мои руки теряют всякий контроль. Я глажу ее по бокам, сминая скользкий шелк. Она выгибается навстречу, прижимаясь ко мне всем телом.

Моя ладонь скользит выше по ее стройному бедру. Ткань шортиков задирается. Я провожу пальцами по горячей коже внутренней стороны бедра, касаюсь края кружевного белья и... задыхаюсь.

Она влажная.

Весь этот ее спектакль, наша борьба, это трение — она завела саму себя не меньше, чем меня. От этого осознания у меня в голове взрывается вспышка. Кровь с гулом приливает к паху, заставляя вены болезненно, тяжело пульсировать.

Всё, финал, я больше не соображаю.

К черту всё. Мы переспим прямо здесь, на этой кровати. Сейчас.

Мозг лихорадочно, с пулеметной скоростью просчитывает логистику.

Так. Брал ли я защиту? Да, точно, пара штук в потайном отделении пиджака. Пиджак висит на стуле у окна.

С рычанием целую ее в шею, там, где бешено бьется пульс. Рука решительно скользит под резинку ее шорт. Блэр издает тихий, рваный всхлип, который не имеет ничего общего с той фальшью, что она выдавала минуту назад.

Приподнимаюсь, чтобы одним движением стянуть с нее этот чертов шелк...

И в этот момент она вздрагивает. Словно на полном ходу просыпается от гипноза.

Ладонями упирается мне в грудь. Пальцы сжимают мою рубашку.

— Нет, — выдыхает она. — Нет, Донатьен. Стой.

Я замираю, нависая над ней. Ощущение такое, будто я на скорости двести километров в час влетел в бетонную стену.

— В чём дело? — хриплю я, не узнавая собственный голос.

Моя рука все еще на ее бедре, обжигая кожу.

— Я не могу, — она отворачивает голову, тяжело, со свистом втягивая воздух. Ее грудь вздымается, щеки горят лихорадочным румянцем, а в глазах плещется самый настоящий испуг. Испуг перед тем, как далеко мы только что зашли. — Пожалуйста. Не надо.

Слова парализуют.

Мне требуются титанические усилия воли, чтобы загнать инстинкты обратно в клетку и заставить свои пальцы разжаться. Я медленно, стиснув зубы до скрежета, убираю руку. Отодвигаюсь. Сажусь на край кровати, спиной к ней, и опускаю голову, упираясь локтями в колени.

Твою мать.

Легкие горят. Внизу живота пульсирует такая тяжелая, мучительная боль неудовлетворенного желания, что хочется выть. Я слышу, как за спиной шуршит шелк и скрипит матрас — Блэр поспешно отползает на другую половину кровати и натягивает одеяло до самых ушей.

Я бросаю взгляд на электронные часы на тумбочке. Два часа ночи.

Впереди еще как минимум шесть часов. Шесть часов в одной постели с женщиной, чей вкус все еще сводит меня с ума, которая возбуждается от моих прикосновений, и к которой мне теперь категорически запрещено прикасаться.

Я сглатываю вязкую слюну. Эта ночь убьет меня.

Провожу ладонью по лицу, давлю пальцами на закрытые

веки, пока перед глазами не вспыхивают красные пятна. Всё во мне воет от прерванного, незакрытого, незавершенного.

Это новое для меня ощущение. И оно мне категорически не нравится.

Не потому, что мне отказали. Я взрослый человек. Я умею слышать слово «нет».

Дело в другом.

Дело в том, что обычно до этого слова не доходило никогда. Не потому что я принуждал. Просто женщины, оказавшиеся в моей постели, хотели там оказаться. Они приходили с уже принятым решением. Им не требовалось времени, не требовалось готовности, не требовалось ничего, кроме меня.

А эта — лежит в метре от меня, смятая и горячая, явно возбужденная, я чувствовал это своими пальцами — и всё равно остановила.

И теперь этот метр между нами кажется заминированным полем. Я слышу ее дыхание. Оно поверхностное, сбиваемое, прерывистое. Ткань одеяла шуршит при каждом ее микродвижении, и этот звук царапает мне оголенные нервы, как крупнозернистая наждачка. В воздухе спальни повис густой, одуряющий запах: смесь ее парфюма, мяты, пота и того самого, первобытного запаха чистого желания, который ни с чем не спутаешь.

Мое собственное тело предает меня по всем статьям. Пульс бьет в висках набатом. В паху тянет. Это какая-то изощренная биологическая насмешка — мой мозг уже всё

понял, проанализировал и принял отказ, но организм продолжает орать: «Какого черта мы остановились?!».

Находиться с ней в одном пространстве и не трогать — физически невыносимо. Еще пара минут в этой постели, и я либо сорвусь и начну умолять, как сопливый студент, либо выпрыгну в окно. Оба варианта губительны для моей самооценки.

Я резко поднимаюсь с кровати. Матрас качнулся, Блэр за спиной испуганно замерла, кажется, даже перестав дышать. Я не оборачиваюсь. Молча иду в ванную комнату и бесшумно закрываю за собой тяжелую дубовую дверь.

Щелкаю замком. Включаю свет.

Мрамор, зеркала. Опираюсь руками о край прохладной раковины и смотрю на свое отражение. Взъерошенные волосы, потемневшие, почти черные от расширенных зрачков глаза, судорожно сжатая челюсть. Выгляжу так, будто только что чудом избежал автокатастрофы, но меня все равно немного переехало.

Рывком открываю кран до упора. Ледяная вода с шумом бьет в раковину. Подставляю руки, набираю полные ладони и плещу себе в лицо. Раз, другой, третий. Вода стекает по груди и холодит разгоряченную кожу, немного сбивая градус безумия в крови.

Я делаю глубокий вдох. Медленный выдох.

Нужно включить голову. Ту самую, которая хладнокровно управляет многомиллионными сделками, а не ту, что сейчас

пульсирует в штанах.

Что, черт возьми, только что было? Потеря контроля. Недопустимая роскошь. Я позволил инстинктам перехватить руль, повелся на ее провокацию, и куда это меня завело? В тупик. В ситуацию, где я выгляжу уязвимым, а она — диктует правила.

Беру белоснежное полотенце и медленно, с нажимом вытираю лицо. Взгляд в зеркале становится жестче. Яснее.

Хватит. Игра зашла слишком далеко. Я сам стер границы, поддавшись на этот ее чертовски талантливый спектакль для микрофонов моего отца.

Бросаю полотенце на мраморную столешницу. Всё возвращается на круги своя. Уравнение снова становится простым и решаемым.

Блэр — никто.

Она не женщина, которую я хочу. Она не загадка, которую мне нужно разгадать. Она — случайный элемент. Декорация. Мой самый дорогой и эффективный инструмент для одной конкретной, четко ограниченной цели: пустить пыль в глаза отцу и сохранить компанию.

Ее тело, ее влажность, ее стоны — это просто побочный эффект. Физика. Анатомия. Сброс напряжения. Ничего личного.

Вдыхаю холодный, стерильный воздух ванной.

Я всегда держу ситуацию под контролем. И прямо сейчас я хочу, чтобы эта сделка сработала. А значит, Блэр останется

неприкосновенным активом.

Теперь она просто дорогой манекен.

Главное — не смотреть на ее губы.

Глава 7

Блэ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.